

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИСТОРИЯ И ФИЛОЛОГИЯ
ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ИО ИВ АН
(краткие сообщения)

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1976

© Институт востоковедения АН СССР, 1976 г.

I. ДРЕВНЕВОСТОЧНАЯ И АФРАЗИЙСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Древние письменности и древние языки

Обычно язык как объект лингвистического изучения — это либо живой язык, записанный в фонетической или фонологической транскрипции, либо язык, дошедший до нас в другой записи, более или менее адекватно передающей все фонемы, морфемы и лексемы. Но к шумерскому и другим древнеписьменным языкам техника лингвистических исследований, выработанная для изучения живых языков, в чистом виде неприменима.

Прежде чем греки на Западе и индийцы на Востоке изобрели системы письменности, состоящие из символов, которые по-настоящему являются референтами всех фонем (или их групп), существовавших в языке, — до тех пор письменность не предназначалась непосредственно для воспроизведения живого языка; ее функция была, в основном, мнемонической. Это можно показать даже на примере так называемых "фонетических" систем письма — ологовых и "афрантных", или квазиафрантных.

Так, знаки финикийского письма полифоничны (И.Е.Гельб). Каждый из них передает определенный согласный плюс любой гласный или нуль гласного, причем гласный может быть кратким или долгим, и согласный тоже может быть кратким или долгим либо редуцированным. Мало того, греческие транскрипция эпохи, когда уже существовало финикийское квазиафрантное письмо, показывает, что и в отношении согласных финикийские знаки были полифоничны. По-видимому лишь позже, — возможно, под частичным влиянием арамейского, — в древнееврейском (и финикийском) не только в графике, но и в речи совпали фонемы /š/ и /s/, /t/ и /s/, а /v/ и /š/ совпадали до времени масоретов, хотя /š/ произносилось, на арамейский лад, как /v/. В Угарите мы видим сосуществование 30-буквенный алфавит, более детально различающий согласные фонемы, и 22-буквенную азбуку, аналогичную финикийской. Однако и в 30-буквенном алфавите нет однозначного различения фонем /d/ и /š/, вместо которых угаритяне писали, в первом случае d и š, во втором, — v и t. Прием тут точно такой же, как в аккадском, где писец не имел знака для звукосочетания /tu/, но имел право произвольно избирать либо знак tu, либо знак tun, оба одинаково в данном конкретном случае с чтением /tu/. Для

писца важно было узнавание той информации, которую он вкладывал в текст, но было совершенно не обязательно, чтобы это узнавание было основано на строгом соответствии знака определенному языковому референту. Насколько это порой было маловажным, показывает пример не только угаритского квазифанита, но и германских рун, где пишущие отбросили более точную передачу своих фонем и от системы 24 знаков перешли к 16.

Еще более ясно это на примере syllabicеских систем письма. Мне кажется, дешифровщики Линейного А напрасно ищут за ним язык, для которого характерны только последовательности типа СТ+СТ+СТ, исходя из того, что все **з н а к и** в принципе выражают открытые слоги. Это - условность, очень распространенная в "слоговых" письменностях (протоэбидской, "хеттской" иероглифической, "древнеперсидской", Линейной Б, кипрокой и т.д.), и она не имеет отношения к структуре слога в передаваемых языках. Для всех ранних письменностей почти универсальной является пропуск **-n#**, **-m#**, часто других сонорных и **-a#** (линое, но ошибочное толкование, между прочим, см. И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр.51). Если в Линейном Б слово, написанное e-ke, могло быть произнесено на сто разных ладов, то писца это не беспокоило. Причиной этому был мнемонический характер письменности: в тексте того содержания, которое имел в виду писец, число возможных чтений этого слова сводилось к одному-двум. Но это, конечно, подразумевает, что не любое высказывание могло подлежать письменной фиксации. Для человека, не знакомого заданое с хотя бы приблизительным содержанием мнемонически передаваемого текста, чтение его состоит из разгадывания загадок, и не все они имеют решение.

В еще большей степени все это относится к так называемым "словесно-слоговым" системам письма, основу которых составляют знаки для понятий. Здесь знаки, передающие ребусным путем звуковые последовательности (но не "слоги") ставятся лишь для облегчения узнавания информативного содержания данной записи путем указания на форму слова. Подобные знаки могут опускаться по произволу писца там, где, как ему кажется, и без того будет понятие, о чем идет речь. Такое письмо правильно было бы назвать "понятийно-ребусным": каждый знак имеет столько понятийных значений, сколько имеется ассоциаций с изображаемым предметом, и круг их

ограничен только ассоциациями, возникающими в связи с каким-либо иным понятийным знаком. Поэтому и число ребусных значений тех же самых знаков велико и довольно неопределенно. Конечно, указание на произношение слова — удобный способ сделать информацию недвусмысленной, и общее направление развитие подобных письменностей идет в сторону более полной передачи языка, однако до фонетической передачи, как она мерещится, например, некоторым аккадистам, дело не доходит.

Шумерский или иной подобный корпус текстов (окажем, египетский) нельзя рассматривать как непосредственную передачу языка по типу фонетической или фонологической записи. Лингвистическими методами, по существу, нельзя ограничиваться при изучении любого письменного языка. В любой орфографии всегда содержатся элементы десятков синхронных языковых уровней и множество экстралингвистических феноменов. Представление о возможности диахронического изучения языков путем соположения разных синхронных уровней — ложное и наивное представление. Метод изучения языков путем расчленения их на "уровни" и отбрасывания всей информации, как бы она ни была важна, коль скоро она происходит с другого "уровня", к письменному языку вряд ли применим. Точно так же тщетны поиски в письменном языке минимальных пар, потому что в нем мы имеем дело не с фонологией, а с графикой, а графика не есть просто система референтов фонологических явлений. Чтобы добраться до мертвого языка, мы должны прежде пробиться к нему чрез определенную систему письменности. А если эта система — не фонетическая (как санскритская) и не в грубом приближении фонологическая (как греческая), то задача становится сложной. Шумерологи молодого поколения, в особенности М. Сивиль, явно дают себе в этом отчет, однако и Сивиль еще продолжает мыслить в категориях письма как системы референтов фонологии, между тем как нужно мыслить в категориях мнемотехники. После наблюдений И. Фридриха над ходом создания (уже на глазах исследователей) эскимосского понятийно-ребусного письма это становится вполне наглядным.

Говоря специально о шумерской письменности, можно считать, что она прошла несколько стадий:

I. На чисто мнемонической стадии рисуночные знаки (будь то в прямом понятийном или в ребусном употреблении) передают

только опорные понятия. Морфология вовсе не передается, и синтаксис, по-видимому, тоже не передается. — (Урук IV—II, Джемдет-нагр).

2. На следующей стадии отдельные, довольно редкие знаки в их ребусном употреблении прибавляются к понятийным знакам (идеограммам) в качестве фонетических компонентов для облегчения восприятия передаваемой информации: TI+ŠU^{ba} = /šubantieš/, корень ša...ti, и также an-na^{ba} = /anamba?/ (а не an-na-ba, как это написание обычно воспринимается). — (Фара, Лагаш до Занатума).

3. На последней стадии шумерской письменности фонетические компоненты умножаются вплоть до почти полной передачи морфологической структуры речи, причем, однако, они не становятся, разумеется, "морфемными знаками"; одновременно в значительной степени начинает выдерживаться и синтаксис (кроме, возможно, оборотов с числительными). Но надо подчеркнуть, что выражение ряд элементов морфологии (не говоря о фонологии и фонетике) ни в какой период не было для писца императивным. Он добавлял ровно столько компонентов, сколько считал нужным, чтобы быть уверенным в понимании текста читателем. Так, обозначение -n[#], -m[#] остается факультативным до самого конца. Более или менее полная графическая передача морфологической структуры шумерского языка стала, с точки зрения принципов шумерской графической системы и подхода писцов к своим задачам, необходимой лишь на стадии вымирания языка. — (От Занатума до конца существования шумерской письменности).

Из изложенного ясно, что обозначение шумерского письма (а также аналогичных, например древнеегипетского) как "слово-слового", неправильно. Отдельный знак письма не является неизменным референтом одного определенного слова, точно также как эти же знаки в ребусном употреблении не являются референтами слов. Правильнее такое письмо называть "понятийно-ребусным". Соответственно, и шумерский корпус текстов нельзя безоговорочно воспринимать как "язык". Надо примириться с тем, что при мнемоническом понятийно-ребусном характере написаний наше постижение стоящего за ними языка навсегда должно остаться ограниченным.

Одним из практических выводов из вышесказанного должен быть решительный отказ от попыток превращения транслитерации

дренного текста в некую имитацию псевдофонологической (А. Фалькенштейн) или псевдофонетической транскрипции (В. фон Зоден, К. Деллер и др.). Во всех отношениях практичнее, поэтому, писать $du\dot{g}_d$, $pa\dot{d}$ вместо du_{11} , pa и, соответственно, в родительном падеже $du\dot{g}_d$ -га = / $du\dot{g}$ -a/, $pa\dot{d}$ -да = / $pa\dot{d}$ -a/ вместо du_{11} -га, pa -да, псевдофонетических написаний для / $du\dot{g}$ a/, / $pa\dot{d}$ a/, но с необъяснимыми знаками -га, -да. Еще точнее было бы писать ka , $ka\dot{B}^a$, $pa\dot{d}$, $pa\dot{d}^{\dot{d}a}$.

Г. А. Климов

О месте эргативного строя
в континентно-типологической классификации языков

Континентно-типологические исследования, основанные на изучении способов передачи в различных языках субъектно-объектных отношений, приводят к выделению нескольких языковых типов, из которых в настоящее время более отчетливо по сравнению с остальными вырисовываются три типа - номинативный строй (далее - НС), эргативный (далее - ЭС) и активный (далее - АС). Предшествовавшие исследования доказали, что ЭС типологически отличен от НС и, что, в частности, эргативная конструкция предложения не может быть отождествлена со страдательным оборотом номинативных языков. Однако, взаимоотношения ЭС и АС и сейчас представляются далеко не столь ясными (как известно, еще в совсем недавнем прошлом они вообще взаимно не обособились).

Сопоставление импликаций, т.е. взаимно необходимых структурных признаков, НС с такими ЭС и АС показывает, что по степени их ориентации на передачу субъектно-объектных отношений все три типологические системы должны быть встроены в единую последовательность, промежуточную позицию в которой занимает ЭС.

Действительно, если строение элементы НС передают субъектно-объектные отношения сравнительно однозначно (ср., например, функции номинатива, аккумулятива, датива, или роль личных показателей и оппозиции действительного и страдательного залога в глаголе и т.п.), то компоненты ЭС выражают их уже менее одно-

значим образом: ср. явное "диффузное" в этом плане содержание абсолютного падежа или личных глагольных аффиксов абсолютного ряда, указывающих как на объект, так и на субъект действия. Имеется ввиду тот факт, что абсолютный падеж оформляет как имя субъекта при непереходном глаголе, так и имя объекта при переходном. В то же время элементы АС вообще ориентированы на выражение не субъектно-объектных отношений, а отношений, существующих между активным и пассивным участниками ситуации, и передают перенос лишь опосредствованно.

Возникает вопрос, насколько существенны структурные расхождения между ЭС и АС для того, чтобы позволить их рассматривать в качестве типологически различных систем, а не разновидностей единой эргативной. Ответ на него должно дать систематическое сопоставление структурных признаков обоих. Особенно показательным при этом представляется такое сопоставление на фоне признаков НС.

Основные принципы организации именной лексики в АС обнаруживают некоторое внешнее сходство с таковыми в эргативных и номинативных языках: в отличие от представителей классного строя (как он представлен, например, в языках банту) имена существительные здесь уже не распределяются по явным, т.е. имеющим свои специальные марки, классам, определяющим языковой тип в целом. Тем не менее, они образуют здесь два неявных или так наз. "скрытых" класса активных и пассивных, напоминающих стабильное распределение имен на одушевленный и неодушевленный классы в классных языках. В последнем отношении ЭС скорее сближается с НС. Имеется и другая серьезная особенность АС, состоящая в несформированности в нем имен прилагательных и некоторых разрядов местоимений (притяжательных, возвратных), обычно имеющих в эргативных и номинативных языках. Соответственно, функции атрибутива в предложении здесь выполняют либо основа стативного глагола (типа 'быть белым', 'быть высоким' и т.п.), либо основа субстантива ('камень' в значении 'каменный', 'лед' в значении 'холодный' и т.д.).

Однако, особенно глубоко различны в структурах ЭС и АС основные принципы организации глагольной лексики. Между тем, именно от них зависят фундаментальные черты синтаксиса и морфологии эргативных и активных языков.

В ЭС глаголы лексикализованы на переходные и непереходные. Это означает, что, как и в НС, глаголы имеют здесь довольно отчетливую либо субъективную, либо объективную интенцию, чего нет в рамках АС. Впоследствии, напротив, признак переходности : непереходности вообще не играет никакой роли. Глаголы здесь лексикализованы на активные (т.е. глаголы действия)^ж, с одной стороны, и стative (т.е. глаголы состояния), с другой. Среди активных оказываются также лексемы, как 'ломать', 'резать', 'пить', 'белать', 'идти', 'сметать', 'капнуть' и другие, среди стative — 'ломать', 'висеть', 'быть белым', 'быть высоким' и т.д. При этом налицо обычное совпадение в одной глагольной лексеме таких значений, как 'идти' ~ 'вести', 'ползти' ~ 'тащить' ~ 'умирать' ~ 'убивать', 'проспать' ~ 'будить', 'гореть' ~ 'жечь' и т.п. Как известно, в представителях ЭС и НС эти значения, как правило, лексемно обособлены.

Следует подчеркнуть, что вообще по оппозиции переходности : непереходности как профилирующей черты языковой структуры, ЭС и НС объединяются, резко обособляясь от АС. Различие обих в этом плане сводится, по-видимому, только к тому, что для глагола эргативных языков переходность : непереходность это обычно "явная" категория (т.е. категория, находящая выражение в самой глагольной лексеме), в то время, как для глагола номинативных языков она образует неявную, "скрытую" категорию, которая получает свое выражение за рамками словоформы глагола в составе предложения. Отсюда вытекает и ряд других важнейших структурных общностей, разделяемых ЭС и НС на синтаксическом и морфологическом уровнях.

В структуре ЭС переходные и непереходные глаголы автоматически задают эргативную и абсолютную конструкции предложения с различной морфологической характеристикой их глагольного и именных компонентов. В АС различие активной и инактивной конструкций предложения с резко расходящейся морфологической структурой их глагольного компонента обуславливается уже не переход-

^ж) В древневосточной филологии за этими глаголами все более закрепляется название фентивных, что позволяет избежать смешения с длатевой актив : *nasozh*. — Ред./.

ным : **непереходным глаголом, а активным или стативным.** Следует отметить еще один класс глагольных лексем, структурно мотивированных лишь в системе АС – глаголы непроизвольного действия и состояния, к которым относятся обозначения всех действий и состояний, не включаемые в класс активных или стативных глаголов и задающие особую конструкцию предложения: в нее входят *verba sentiendi* ‘видеть’, ‘слышать’, ‘знать’, ‘хотеть’ и т.п., *verba affectuum* ‘смеяться’, ‘плакать’, ‘думать’ и т.п., а также такие лексемы, как ‘спать’, ‘бодрствовать’, ‘рваться’, ‘подходить’, ‘идти (к чему-либо)’ и другие. Ее пережиток, известный под термином “аффективная конструкция предложения”, встречается в некоторых представителях ЭС лишь на правах остаточного явления.

Дифференцированность в инвентаре членов предложения эргативных и номинативных языков прямого и косвенного дополнений, в АС замещается различением ближайшего и дальнейшего дополнений. Чтобы представить себе функциональную специфику последних, достаточно отметить, что ближайшее дополнение – это имя объекта направленности действия, передаваемого активным глаголом: ‘я ломаю дерево’, ‘я иду по дороге’, ‘я бегу к реке’ (интересно, что в некоторых, по всей вероятности, ранненоминативных языках сохраняется специфическая морфологическая проекция этого члена предложения в виде широкого объектного падежа типа латин. -а, груз. -а, кечуа -та, аймара -ти и т.д.).

Имеется и множество других структурных отличий ЭС от АС. Если в ЭС переходный глагол лишен какой-либо диатезы, то в АС обязательно противопоставление центробежной и нецентробежной версий активного глагола (ор. возможность залоговой диатезы в переходном глаголе номинативного языка). В АС отсутствует сквозная парадигма глагольного словоизменения, место морфологической категории времени в глаголе занимает разветвленная категория способа действия, позиции притяжательных местоимений и генитива замещает именная притяжательная флексия, дифференцирующая формы органической и неорганической принадлежности, место одной лексемы ‘мы’ занимают инклюзивная и эксклюзивная. Во всех последних отношениях скорее объединяемы эргативные и номинативные языки, в которых перечисленные черты не мотивированы и встречаются только на правах непродуктивных остаточных явлений.

Ввиду сказанного выше складывается впечатление, что настало время на смену общему резкому обособлению ЭС от НС поднять тезис о сравнительной близости разделяющего их типологического расстояния и о более обособленном положении АС.

Несмотря на серьезные трудности адекватной типологической интерпретации структуры древневосточных языков, существует возможность усмотреть во многих из них признаки как ЭС, так и АС. В частности, хуррито-урартские и нумерский языки, будучи в своей основе эргативными, обнаруживают некоторые черты АС (ср. синтаксические и морфологические особенности в них части глаголов движения, говорения). Напротив, староламский язык скорее приближался к АС, поскольку в нем засвидетельствовано по крайней мере большинство структурных импликаций последнего. Наименее ясным представляется до последнего времени типологический облик хаттского языка. Что же касается древнеегипетского языка, то в его существенно номинативизованной структуре еще отчетливо различны некоторые черты АС.

И.М. Дунаевская

Новые перспективы исследования хаттского языка

В последнее время стало создаваться и циркулировать мнение, что дальнейшее изучение хаттского языка становится бесперспективным, потому что материал ограничен не только количественно, но и качественно, а возможность улучшения этого положения проблематична.

Первичная характеристика дошедших до нас хаттских текстов имеет два аспекта: 1) степень сохранности, и 2) качество письменной фиксации. Нет клинописных памятников, которые в обоих этих отношениях были бы хуже хаттских. Большая часть текстов — фрагменты в точном смысле слова, т.е. куски высушенной глины, представляющие собой обломки середины или одного из краев табличек с сохранившимися частями строк; целых или мало поврежденных текстов очень мало. Что же касается плохого качества фиксации текстов, то оно связано с их искажением еще в древности при первичной за-

писи и при переписывании. Хаттские тексты, ритуальные по содержанию, возникли задолго до их записи и передавались долгое время устным путем, пока не были впервые зафиксированы писцами, для которых хаттский язык был чужим, и которые плохо или вовсе не понимали, что пишут; при повторном переписывании они оказывались не в состоянии ни исправить ошибки, даже мелкие, ни восстановить лакуны или хотя бы отдельные поврежденные знаки, ни избежать переосмысления ряда мест.

Все это не является новостью для исследователей хаттского языка; они давно смирились с такой ситуацией и научились продвигаться вперед в деле выявления лексики и интерпретации грамматики, основываясь на хаттско-хеттских билингвах и возмекая в изучение данные одноязычных текстов, умудряясь даже в ряде случаев при помощи различных комбинаторных соображений находить и исправлять ошибки, допущенные писцами. Отсюда понятна предельная заинтересованность специалистов в максимальной полноте доступного им материала и болезненность, с которой воспринималось то обстоятельство, что с 1932 г. все найденные хаттские тексты, в том числе и те, которые обнаруживались в отвалах старых раскопок 1906-1907 и 1911-1912 гг., были отданы в полное распоряжение одному лицу - Гансу-Зигфриду Шустеру, который на протяжении более 40 лет имеющиеся у него материалы не показывал, ничего из них не публиковал и ни разу ни о чем не высказывался в печати. Естественно, что когда, наконец, несколько лет тому назад в проспектах издательства Брилль появилось сообщение о готовящемся выходе большой работы Г.-З.Шустера "Хаттско-хеттские билингвы", то настроение поднялось, и напряжение ожидания увеличилось. Соответственно, в предвидении долженствующих вот-вот появиться новых материалов пропало желание помещать в печати сколько-нибудь окончательные выводы относительно хаттского языка. Наконец, в 1974 г. книга вышла. Увы, только первая часть первого тома. Так как томов обещано два, то это, в лучшем случае, треть, а может быть даже всего лишь четверть всей работы, причем здесь представлена пока лишь одна билингва из семи сохранившихся, правда, самая пространная, но как раз не та, которая до сих пор вообще не публиковалась и которую все ждут с особым нетерпением.

Из "Введения", предпосланного Г.-З.Шустером своей книге,

явствует, что он располагает довольно большим количеством хаттских текстов, оставшихся до сих пор неизвестными. Вместе с тем автор, опираясь на данные раскопок Богазкёйского архива, полагает, что с территории городища извлечены все сохранившиеся хаттские тексты, и что нет более надежды на сколько-нибудь значительные находки в дальнейшем.

Конечно, до нас дошла лишь малая часть того, что когда-то было. Но ныне это, очевидно, действительно все, на что можно рассчитывать. Таким образом, заканчивается период предварительных исследований, в которых высказывалась или угадывалась надежда расширить и уточнить предлагаемые выводы на основании новых, более значительных находок, на фоне которых неопубликованная часть, — та, что была в распоряжении Г.-З.Шустера и не входила длительное время в научный обиход, — могла оказаться не слишком значительной. Теперь дело обстоит иначе, и тем самым возникает представление об обязательном объеме хаттского языкового корпуса, на который должна опираться всякая попытка интерпретации и исследования языка. Этот обязательный объем — все донные обнаруженные тексты, включая самые мелкие фрагменты, хотя бы они содержали лишь одно слово или часть слова: в сочетании с другими они могут пролить свет на тот или иной еще не выясненный языковой факт. Чтобы субъективные соображения, всегда играющие известную роль при публикации текстов, минимально влияли на подачу материала, тексты, как это обычно делается, должны быть изданы в автографии (в идеале — с приложением фотографий), а затем другое лицо, хорошо знакомое с богазкёйской палеографией, должно подвергнуть их сверке с оригиналами (коллации).

К сожалению, судя по тому же "Введению" Г.-З.Шустера, в жизненные планы автора такая публикация не входит, и пока не видно, чтобы он собирался предоставить эту возможность кому-нибудь другому. Вместе с тем, в книге Г.-З.Шустера ранее не известные фрагменты приводятся только к слову, в параллель к тем или иным наблюдениям, связанным с конкретным обсуждаемым двуязычным текстом, в данном случае с ритуалом Во 2030. Этот текст, изданный впервые еще в 1922 г. в КУВ II 2, неоднократно комментировался и переводился. Других хаттско-хеттских билингв в первой части книги Г.-З.Шустера нет. В этом смысле она пока обманывает ожидания. Нужно однако сказать, что автор приводит

к этому тексту дополнительные фрагменты, а филологическая работа над ним проделана автором на самом высоком уровне, с исчерпывающим привлечением параллельных мест, вариантов, аналогий из других текстов и глубоким проникновением в материал как хаттской, так и хеттской версии. Это дает право надеяться, что, когда выйдут все таким образом обработанные им двуязычные хаттско-хеттские тексты, в том числе ранее не издававшиеся, в распоряжении исследователей окажется, с учетом разнообразных экскурсов автора, также и текст подавляющего большинства, а, может быть, и всех одноязычных фрагментов.

Прекрасно представленной и прокомментированной билингве В 2030 Кув II 2 Г.-З.Шустером предпослана исчерпывающая характеристика всех сохранившихся хаттских текстов с точки зрения их дифференциации по жанру и по языку, с точки зрения возможностей их относительной и даже в некоторых случаях абсолютной (хотя, по понятным причинам, и грубой) датировки. Тексты удачно расклассифицированы в зависимости от их принадлежности к государственным или местным культурам, а также по функциональным, жанровым и формальным характеристикам. В ряде случаев выяснено также, кем, когда и при каких обстоятельствах произносились или же пелись те или иные тексты.

Подводя итоги своему "Введению", Г.-З.Шустер подробно останавливается на вопросах сохранности текстов и на качестве их фиксации, разбирая типы встречающихся ошибок и описок. Здесь большим подспорьем оказываются изученные им до тонкостей формулярные тексты разного типа, а также прекрасное знание техники письменной фиксации - дуктуса, правил растянутого и скатого размещения знаков и проведения горизонтальных линий, либо разделяющих табличку на отдельные графы, либо ограничивающие ее по нижнему краю (при повторной переписке писцы иногда принимали ограничительную линию за разделительную, копируя ее и тогда, когда она уже не приходилась на край, что приводило к разрыву связного текста). Остроумные наблюдения позволяют Г.-З.Шустеру в ряде случаев со значительной степенью уверенности исправлять искажения, встречающиеся в хаттских текстах. Таким образом, есть все основания ожидать, что когда данная работа выйдет наконец целиком, специалисты получат оптимально обработанный материал. Однако вряд ли это обстоятельство освобождает автора от необходимо-

сти, предвзяв свой труд, уделить больше внимания тому, что делалось в области изучения хаттского языка в течение тех многих лет, пока он уединенно работал над своей книгой.

Между тем раздел, названный "Исследование хаттского языка до настоящего времени", занимает всего пять с половиной страниц, на которых автор не подводит никаких итогов, не входит ни в какие дискуссии, не дает никаких оценок, делая в этом отношении исключение лишь для одной и заслуженно забытой работы Месарона, относительно которой он ссылается на давнюю рецензию И.Фридриха (1934 г.). Элемент дискуссии не всегда присутствует и при рассмотрении грамматических вопросов непосредственно на языковом материале. Однако, если вчитаться в комментарий к хаттскому тексту и выбрать из него грамматические соображения, то окажется, что хаттская грамматика представляется Г.-З.Шустеру во многом иной, чем она выглядит в опубликованных до сих пор работах. Достаточно сказать, что в отличие от авторов, не обнаруживших в хаттском языке показателей времени и лица в глаголе, он также показатели находит, причем материально они не совпадают с теми показателями, которые когда-то предлагались, пока не были достаточно убедительно оспорены. Что касается падежей в хаттском, то и здесь в литературе имеются разные точки зрения. Позапя Г.-З.Шустера полностью совпадает с одной из них^{*)}, но он не указывает, пришел он к ней независимо или нет. Это странно. Можно примириться с отсутствием упоминания взглядов, отменяемых новыми выводами автора, но если эти выводы совпадают с ранее опубликованными соображениями других авторов, то как же здесь обойтись без соответственных ссылок или хотя бы указания, что эти выводы получены автором независимо. Пока неясно, будут ли дискуссионные вопросы обсуждены в обзоре грамматики, которым должно завершиться исследование.

Весьма досадно, что в работе, выходящей на исходе третьей четверти нашего века, возрождается устаревший и давно оставленный принцип "Rozzica non legitur". Подчас это приводит к недоразумениям. Так, например, два из четырех положений, предлагаемых Г.-З.Шустером в качестве "исходных аксиом всего исследования", текстуально совпадают с выводами русских работ 50-х годов,

*) "Вестник древней истории", 1964, № I, стр.102 сл.

подробно реферированных по-немецки в 60-х годах.

Наряду с повторением уже известного из более ранних работ, у Шустера имеется и немало нового, как в издании хаттских текстов, так и в их истолковании.

Несомненно, что вышедшая часть работы Г.-З.Шустера воспринималась бы лучше, если бы в ней было сказано о композиции всего труда в целом и объяснено, какой материал войдет в дальнейшие его части и как этот материал будет по ним распределен. Это тем более нужно, что выход в свет дальнейших частей, вероятно, затянется; во всяком случае, издательские каталоги никаких данных о них пока не содержат. Отсутствие сведений о структуре работ заставляет любознательного и неравнодушного читателя, нетерпение которого подогревалось многими годами ожидания, "вычислять" намерения автора по перекрестным ссылкам (кстати сказать, судя по этим ссылкам можно заключить, что авторская работа над обоими томами полностью завершена). "Результат вычисления" получается следующий:

1) Всего будет издано 7 билингв, причем второй по порядку будет издана билингва, никогда ранее не публиковавшаяся. Все билингвы пополнены не известными донные фрагментами. Судя по уже изданному первому тексту, можно надеяться увидеть все или почти все контексты из одноязычных фрагментов, которые могут помочь пониманию соответственных билингв и интерпретации хаттской грамматики.

2) Опять-таки по ссылкам можно представить себе и будущую хаттскую грамматику Г.-З.Шустера, которую он, очевидно, намерен поместить где-то в самом конце своего труда, перед дополнениями (на которые также имеются ссылки). Судя опять-таки по ссылкам, грамматика будет конспективной и будет состоять из девяти параграфов, посвященных палеографии, фонетике и графике, имени, глаголу, союзам, частицам и синтаксису, или, как выражается автор, "правилам порядка слов в предложении".

Новым по сравнению с уже ранее установленными фактами хаттской грамматики (см. работы Э.Форрера, Э.Лароша, И.М.Лунаевской, И.М.Дьяконова и А.Камменхубер) представляются следующие пункты:

1) В глаголе удастся установить следующие личные, временные и субъектно-объектные показатели:

а) префикс a_i- (часто $a_i- > e/i-$) - показатель I-го лица (стр.90, 93, 97);

б) префикс *u-* - показатель 2-го лица единственного числа (стр.91, 96, 143, 146);

в) префикс *te-* - показатель 3-го л. (стр.138)^ж);

г) префикс *a-* - связан каким-то образом с показателями лица (стр.144);

д) суффикс *-e* - показатель настоящего времени (стр.93, 146; следует однако иметь в виду, что *-e* может также передавать "скользящий звук", стр.146);

е) префикс *(a)u-* - показатель единственного числа объекта и "непереходного" субъекта (стр.120, 142);

ж) префикс *(a)u-* - показатель множественного числа объекта и "непереходного" субъекта (стр.132)

2) По крайней мере часть функций префиксов *u-*, *e/ay-*, *ai-* и *ya-* совпадает при имени и при глаголе, причем *u-* и *ai-* при имени являются possessивными местоимениями, при глаголе - показателями лица; *ya-* употребляется одновременно как при глаголе, так и при каком-то образом зависящем от него имени, обозначая, возможно, направление действия (иллатив, стр.97).

3) Бессуффиксные формы хеттских глаголов систематически передаются на хеттский язык претеритом (стр.90, 131).

4) Императив выражается суффиксом *-ā* (стр.96, 146), который следует отличать от всегда краткого суффикса прекатива *-a* (стр. 146).

5) Прекатив образуется посредством сочетания префикса *te-* с суффиксом *-a* (стр.134, 146).

6) При прямом дополнении ("объекте" в терминологии Г.-З.Шустера) суффиксы систематически отсутствуют (стр.93).

7) Префикс *va/i-* - показатель коллективного, или, может быть, неопределенного множественного числа (стр.80, 94, 129, 132 и др.), является единственным показателем множественного числа имени; если учесть, что автор рассматривает префикс *be-*, до сих пор считавшийся локативом, как форму указанного префикса коллективного множественного числа, то последний приобретает вид *v-/va/e/i-*, причем *v-* соответствует на письме первому

^ж) Видимо, речь идет о показателях субъекта действия?

элементу слоговых знаков, начинающихся на ц, р или в.

8) Префикс *le-* - именной показатель, обозначающий только possessiv (стр.130; когда-то он рассматривался как показатель множественного числа, а затем possessивная функция этого показателя представлялась совмещенной с функцией мн.числа).

9) Префикс *a/e/iŕ-* - именной показатель, имеющий дистрибутивное значение (стр.82, 137).

10) Конечный согласный префиксального показателя перед основами, начинающимися с гласного, при написании удваивается, например, *a-aŕ-i-i-a* следует читать *aŕ-iia* (стр.116).

11) Согласный *-n* в конце слова может не обозначаться, причем предыдущий гласный иногда приобретает так называемое полное написание (стр.123; это наблюдение имеет особое значение в связи с тем, что именной суффикс *-un/-n* или *-u*, являющийся показателем падежа *Obliquus* в терминологии Г.-З.Шустера - или суффиксом косвенного дополнения - в терминологии И.М.Дунаевской - иногда отсутствует).

Чрезвычайно интересно, как перечисленные пункты, а также и другие, не упомянутые здесь, но также важные наблюдения Г.-З.Шустера, будут развиты им на материале дальнейших частей его книги. Если эти утверждения не войдут в противоречие с позиционной структурой хаттских грамматических показателей (жесткость этой структуры признает и Г.-З.Шустер) и в дальнейшем подтвердятся, они значительно изменят существующие представления о хаттском языке.

Таким образом, теперь есть все основания надеяться, что после того, как труд Г.-З.Шустера выйдет полностью, вся кропотливая работа, связанная со сверкой хаттских текстов по подлинникам и по фотографиям (последние иногда дают больше, чем таблички, которые продолжают разрушаться), сможет считаться в основном завершенной. Главная же лингвистическая работа, вероятно, еще впереди. И мне кажется, что на ее результаты можно возлагать довольно большие надежды, тем более, что начали кристаллизовываться основания считать хаттский язык эргативным (наличие общекосвенного падежа, совпадение показателей объекта действия и субъекта "непереходного" глагола, возможность совпадения числа глагольного сказуемого о числом объекта действия и др.). Продолжает оставаться открытым и важный вопрос о родственных связях хаттского языка.

Хурритский диалект в угаритской версии словаря NAB-га : ḫubullu

Несмотря на плохую изученность хурритского языка и скудность материала на нем, можно все же заключить, что мы имеем дело не с одним языком, а с рядом довольно сильно различающихся наречий и диалектов, на что до сих пор не обращалось достаточного внимания.

Большой интерес в этом отношении представляет шумерско-хурритская билингва из Угарита (RS 8+II), являющаяся хурритской версией одного из предшественников хорошо известной шумерско-аккадской словарной серии NAB-га : ḫubullu.

Хурритский язык этой билингвы обнаруживает следующие особенности по сравнению с классическим митаннийским диалектом хурритского языка:

- 1) притяжательное местоимение 3 л. ед.ч. -di, вместо -ja/i.
- 2) показатель направительного падежа -e, вместо -da.
- 3) подавляющее большинство шумерских глаголов и причастий передается хурритскими формами на -VZV, по всей вероятности причастными. Несмотря на отсутствие видимого порядка в их употреблении, можно все же заметить явное предпочтение форм на -iZ-там, где ожидалось бы причастие действия, и -aZ-, где ожидалось бы причастие состояния. Таким образом, первый элемент этого окончания является, видимо, показателем переходности:непереходности или действия:состояния. Неясным остается значение -Z- (возможно, это тот же элемент, который в других диалектах употребляется с герундиальными формами на -ae/i). Конечный гласный окончания -VZV - произвольный и, по-видимому, не произносился или произносился как нейтральный. Подтверждением того, что эти формы - причастные, является образование множественного числа (с помощью местоимения, выражающего 3-е лицо объекта или субъекта состояния - -lla .) и отрицательной формы (с помощью отрицательной частицы причастий -ki). случаев употребления спрягаемых форм глагола действия, известных из других диалектов, по-видимому, нет.
- 4) Обратный порядок слов в определительной конструкции по сравнению с другими хурритскими диалектами (определение следует за определяемым).
- 5) По-видимому была развита редукция гласных (ср. пункт 3).

6) Для данного текста характерно свободное чередование гласных в корнях (tab-//tib-, tan-//tin- и др.), а также добавление лишних гласных (pi-ti-ḫi вместо pithi и др.). Кажется вероятным, что писец пользовался записью хурритских слов консонантным (квази-алфавитным) письмом, которая затем нередко неправильно огласовывалась. Во всяком случае не подлежит сомнению, что перед нами школьная запись, сделанная под диктовку. Это видно и из нумерской части текста, часто написанной фонетически, без соблюдения принятого логографического правописания.

А.Д.Милитарев

О предполагаемом прасемитском $\frac{p}{r}$

Гипотеза о третьем прасемитском биллабиальном смичном - "эмфатическом" $\frac{p}{r}$ - была высказана в первой сравнительно-исторической грамматике семитохамитских (афразийских) языков И.М.Дьяконовым, который указывает на то, что "существование фонемы $\frac{p}{r}$ реконструируется весьма предположительно, на основании очень редких случаев кажушейся или действительной нерегулярности соответствий b//p в семитских языках (араб. *burgūt-*, др.-евр. *rag'ōḏ* блока и т.п." (СХЯ, IВ). Еще Я.Барт отмечал, что в варьировании b//p "чаще всего северносемитское, особенно еврейское, p соответствует пноносемитскому b; обратное соответствие встречается namного реже" (J.Barth, *Etymologische Studien zum semitischen, insbesondere zum hebräischen Lexicon*, Leipzig, 1893).

Вопрос о "втором" праафразийском $\frac{p}{r}$ / $\frac{p}{r}$ / впервые поставил Дж. Гринберг (J.Greenberg, *The labial consonants in Proto-Afroasiatic*, - "Word", 1958, 14, 2/3), предположивший рефлекс этой фонемы

в реконструированном им пращадском p^{h} и египетском р при недифференцированных рефлексах обоих праафразийских р (p^{h} и p) в прасемитском (p) и берберском (r). Гипотеза Дж.Гринберга была основательно подкреплена В.М.Илличем-Святным, который на значительно большем материале реконструировал две пращадские губные фонемы p^{h} и p , соответствующие египетскому р (праафразийскому p^{h} ?).

Что касается кушитских языков, то здесь согласный p^{h} - вероятный рефлекс праафразийского p^{h} - был на обширном лексическом материале реконструирован.

Таким образом, оформилась весьма правдоподобная гипотеза об афразийском p^{h} , имевшем особые рефлексы в египетском (р), кушитском (p^{h}) и чадском (p^{h} и p), отличные от рефлексов афразийского p^{h} (r в египетском, p^{h} в кушитском, p^{h} в чадском) и p .

Главным аргументом против этой гипотезы является, по-видимому, то, что в семитских языках, многие из которых засвидетельствованы на ступени древнего, близкого к общеафразийскому, состояния (ЯДША), ситуация считается иной: предполагаемому афразийскому p^{h} здесь соответствует та же фонема (p^{h} : северносемитский - р - южносемитский r), что и афразийскому p^{h} . Реконструкция прасемитского p^{h} , в котором можно было бы предположить рефлекс праафразийского p^{h} , пока что не основывается на сколько-нибудь достаточном лексическом материале. Предлагаемая статья является попыткой увеличить число примеров, свидетельствующих в пользу существования прасемитского p^{h} .

1. *PÄTĀ- 'змея, snake': Ug. bṭn; Hebr. pätān (< Aram?); Jud.-Aram. pītā, Syr. pātā; Arab. bātān-, Akkad. bašmu 'змея, дракон' (< *bātā-).

2. *PŪRĠŪT- (СХЯ, 18) 'блоха, flea': Akkad. purū'u, per'āšu; Ug. pūrī; Hebr. par'ōš; Syr. pūrta'nā; Arab. burġūt- (cf. burġāša- 'мошка, midge'; fara' 'вошь, louse'; falā 'вычесывать шей,

¹ Интересно отметить, что при обоих вариантах корней - с ъ и r - в арабском согласный ġ во всех случаях оказывается в одном корне с ъ; данные комбинированности корневых согласных в арабском (J.Greenberg, The patterning of the root morphemes in Semitic, - "Word", 1950, 6, 2) показывают значительно большую совместимость ġ с ъ (37 случаев, +2,3 станд.отклонения!), чем с r (22 случая, +0,3 с.о.). Не свидетельствует ли это в пользу позиционного происхождения арабского ġ из ' (напр., RS. p^{h} > араб. r' и bġ)?

comb out lice) + Егyp. pꜣ; Cush. *pARRAT(t)-/---ll-/
'блоха; КЛОН, flea; bug'; (cf. Верб. Tash. fuaq 'КЛОН, bug').

3. *PI(°)R(V)R- 'КРИСА, МЫШЬ, rat, mouse': Akkad. pēgurūtu;
Arab. fa'r-; far-; birt-; + Егyp. pꜣw; Chad. *pꜣV (или 'br;
на p указывает егип. p).

4. *PIS (I) 'расстилать(ся), spread out; (2) 'ПИНОВКА, mat':
(Akk. rapāšu 1; naprušu 'летать, to fly' < 'расправить крылья,
spread out wings' 2); Hebr. pāgaš 1; Syr. pegas 1; Arab. fagaša 1,
faraš- 2, burāš- 2 (G. Рускмана, Les noms propres sud-semitiques,
Louvain, 1934) + Егyp. pꜣḥ 1, 'раскрывать крылья, spread out
wings'; Copt. pōrēš 1, pꜣēš 2 (cf. Chad. *PIL: Агасс pIḡ 'распрости-
рать крылья, spread out wings'; Logone paraka-ke 'рассеиваться
(в разные стороны), disperse').

5. *PIL (I) 'отделять, разделять, separate; (2) 'ОНИМАТЬ
КОКУРУ, to peel': Hebr. piššāl 2; Syr. pāsal I; Arab. fašala 1;
basala 2; Ge'ez basala 'разрывать на части, tear to pieces' +
Cush. *pAllaḏ- I(?)

6. *PŠT : Hebr. pāšat 'распространяться, spread'; Syr. pāšat
'растягивать(ся), stretch'; (Arab. fassāt 'палатка из грубой тка-
ни, tent made of coarse cloth'); Arab. abasata 'расстлать (ко-
вер), spread out (carpet)'.
7. *PŠL (*PŠL, *PŠL) 'рассыпать, рассеивать(ся), распростра-
нить(ся), scatter, disperse, spread': Hebr. nāpōš Vpōš 'рассеива-
ться (народ), disperse (people)'; Syr. pātā 'распространяться,
spread', pātūḏā 'изобилие, abundance'; Arab. faḏḏa 'рассыпать
(финики из корзины), spill (dates from a basket)' - baḏḏa 'рас-
сыпать, рассеивать, распространять, scatter, disperse, spread';
Ug. bḏ 'разбить, раздробить, break (to pieces)'; Sab. bḏ 'разглашать,
сообщать, divulge, communicate', (cf. Егyp. pšš 'делить, распреде-
лять, divide, distribute'; pšš 'расширяться, распространяться,
widen, spread'; (?) Chad. *pa'dV (Hausa fu'a'da) 'простираться,
stretch').

8a. *SP(SWP, YSP, SPP) (I) 'течь, литься, to flow; (2) 'ЛИТЬ,
pour; (3) 'затоплять, to inundate; (4) 'ПЛАВАТЬ, swim': Arab.
sabba 2; sāba 1 '(дождь, rain)', 2, 3; Ge'ez sabaya 1, 4; (cf. Ge'ez
sabata 4).

8b. *SP/TR(TWP)? (I) 'течь, литься, to flow; (2) 'затоплять,

to inundate? (3) 'плавать, to swim': Aram. 𐤒𐤓 1,2,3; (Arab. 𐤒𐤓 3 < Aram. ?). Возможно и *TR/V, ср. Akkad. tebbū 'тонуть, to drown'.

8с. 𐤒𐤓 (𐤒𐤓𐤓 𐤒𐤓𐤓) (1) 'течь, литься, to flow'; (2) 'затоплять, to inundate' Arab. daḡā 2; dabba 1 + Cush. *ḡA(n)b(-ajll)- 'ливень, дождь, rain, downpour' (Hebr. 𐤒𐤓 'затоплять, to inundate'; 𐤒𐤓𐤓 'плавать, to swim' может относиться к 8а, 8в или 8с).

9. *z'p (1) 'сердиться, be angry'; (2) 'сердитый, angry': Hebr. sā'ap 1; Syr. sē'īpā 2; (Arab. zu'fān- 2?); Arab. tasa'aba 1.

10. *tup'ān- 'змея, snake': Hebr. tīp'ūnī; Arab. tu'bān-

11. *šp'ṭ 'стырать (написанное), erase': Akkad. pašṭū; Arab. šataba; šabata + Verb. Tashelhit sfed.).

12. *šhp (1) 'молоко, milk'; (2) 'молозиво, colostrum': Ug. šhp I,2 (?) (A. Caquot, Notes de lexicographie ougaritique, "Actes du premier congrès international de linguistique sémitique et chamito-sémitique", The Hague-Paris, 1974); Syr. šahārā 2 (š вместо ожд. s !); Arab. šuhb- 'струйка молока, jet of milk' (cf. šahāb- 'молоко, на две трети разбавленное водой, milk diluted with two thirds of water'); Soq. šhof 1; Mehri škof (cf. šahri škof 'пить, to drink'); + Cush. *ḡA/H/p- / *ḡA/H/pp- 1 (Cush. *ḡ = Sem. *š; м.б. Cush. *šhp: кушитские языки, где есть это слово, не различают *p и *p̄).

13. *šhp (1) 'всасывать, вобрать, suck in, absorb'; (2) 'пить, drink': Syr. sšarā 1; (Arab. rašafa 1,2); Arab. šariba 2, 'пить, to drink' (< ?); Ge'ez šaraba 1,2.

14. *šlp 'тащить, вынимать, pull(out)': Akkad. šalāru; Hebr. šēlār; Syr. šēlār; Arab. salaba; Ge'ez salaba.

15. *špk (1) 'лить, pour(liquid)'; (2) 'плавить, melt, cast(metal)'; (3) 'сыпаться, pour(dry substances)': Akkad. šarāku 3,2; Ug. špk 1; Hebr. šarāk 1; Aram. šarāk 1; Arab. safaka 1 - sabaka 2 (sakaba 1, 2); Ge'ez sabaka 1,2,3; (cf. Египт. šp 'вытекать, flow out'; šptj.t 'мочевой пузырь, urinary bladder').

16. *kuprīt- 'сера, sulphur': Akkad. kub/prītu; Hebr. 𐤒𐤓𐤓𐤓; Jud.-Aram. kubrīṭa (< Arab. ?), 𐤒𐤓𐤓𐤓𐤓; Syr. kebrītā; Arab. kibrīt; Ge'ez kabārit (cf. 'смола, resin' etc. : Akk. kupru; Hebr. kōpār, gōpār; Aram. kūrā; Arab. kufr-).

17. ¹⁷QR 'воскуренье, благовоние, incense': Hebr. qōb; Syr. qra 'коптильня, smoke-house'; Arab. kibā- 'разновидность благовония, sort of incense'; kabā 'тлеть под пеплом (костер), smoulder under ashes (fire)'; (cf. Arab. qabā собирать шафран, gather saffron: "Древние...употребляли шафран... для богослужесных курений" - Д.М.Березкин, Библийская флора, СПб, 1914, стр.122) + Egyp. k'p окуривать, to fumigate?

18. ¹⁸HR (< ¹⁸PR?) 'копать, dig': Akkad. harāgu; Hebr. hāra 'рыть, dig'; 'искать, search'; 'разузнавать, inquire'; Syr. hāra; Arab. habār- 'машины норы, mouse holes', habura 'б. осведомлен- ным о ч.-л., be well informed of smt.'; (cf. Arab. hafara, hufra- 'нора, burrow'; S. Arabian hfr; Ge'ez fahara, fahara + Cush. ¹⁸ra- / ¹⁸ra-rrar- 'рыть, dig'; 'яма, a pit').

19. ¹⁹HRB / RNB 'копать, dig': Aram. hāras; Arab. bahāsa. Сюда же Hebr. hāraš 'исследовать, investigate', hippēs 'искать, search'; Akkad. erēšu 'делать, to do, to make'.

20. ²⁰APB- / ĠAPAR- 'пыль, dust': Akkad. epri; Ug. 'pr; Hebr. 'arar (cf. 'arā); Aram. 'arā; Arab. 'ar-, ġabara-¹; (cf. Ge'ez 'afar; Harari afar 'земля, earth'; Soq. 'afar 'красный, red') + Cush. ²⁰ A/B/Ar- / ²⁰ -b-, ²⁰ -p-?/.

21. ²¹GRP- / ĠRP (1) 'грива, mane'; (2) 'холка, withers'; (3) 'затылок, nape': Hebr. 'ōgār 3; Jud.-Aram. 'ogrā 2,3; Arab. 'urf- 1, гребешок (петуха), cock's comb' ġarib¹ 2; (cf. Cush. ²¹raAN- / ²¹ -n-, ²¹ -n- / 'волосы, hair'- м.б. и ²¹ 'gr(n): во всех языках, где есть это слово. ²¹ > ø)

22. ²²KP, WKP, YKP; Akk. ukkiuri 'наширать, to press', ekēru 'приблизиться вплотную, come close to' (< ²²YKP?); Hebr. 'ākāp

¹ См. примечание на стр. 35

наширать, теснить, press, 'ākār 'груз, ноша, load, burden';
Syr. 'ākār 'наширать, побуждать, press, impell'; Arab. wakaba
 'медленно продвигаться, приближаться, advance, approach slowly';
Ab. wkb 'встретаться, meet with', hwkb 'вынуждать, to force';
 'следить, следовать на близком расстоянии, follow closely' + Old
Escr. 'tr 'грузить, нагружать, to load', 'tr.t 'груз, ноша,
 load, burden'; (cf. Arab. 'akaba 'сгущиваться, жаться друг к
 другу (верблюды)');

23. ^hnr (^hnwr, ^hnr, ^hnr', ^hnrt) (1) 'возвышенность, height';
 (2) 'холм, hill'; (3) 'б.высоким, be high'; Hebr. nōr 1,2; nārā 1;
 nārāt 1,2; Syr. tūnrā 2; Arab. nāfa 3' - nabwa- 1; naba'a 3, nabi' -
 2; (cf. Ug. nr' 'подниматься, подрастать, to rise, grow up'; Arab.
 yafa'a 'стать взрослым, become grown-up', yafa' 2; (?) Ge'ez
 'abya 'расти, grow', 'abiy 'высокая (гора, high(mountain)';
Arab. nafa'a- 'побег (растения), sprout(of plant)'; nabata 'рас-
 ти (растение), grow(plant)'; 'подрастать (ребенок), grow up(child)'.
 24. ^h(n)rq 'выходить, go out': Ug. nrq; Arab. nārāq; Hebr. tāreq
 vrrq 'выпускать, let go'; Arab. nafaqa 'выходить из норы (поле-
 валя мышь), get out of its burrow (mouse)', nafaqa; (cf. Ge'ez
 naqaba 'разделяться, разлучаться, get separated, part'; nafaqa
 'делить на двое, divide in two').

Таким образом, основанием для реконструкции прасемитского ^hr
 являются следующие соответствия: Akk. r - Ug. r (но № 1 - b) -
Hebr. r - Arab. r - Arab. b и r² - S. Arabian b (но № 4 - f)
 - Ge'ez b.

Двойственность рефлекса ^hr в арабском заставляет подозревать
 контаминацию двух древнейших арабских диалектов - ^hO. Arab. f-Dialect,
^hO. Arab. b-Dialect.

Прасемитскому ^hr в других афразийских языках соответствуют:
Escr. r - Chad. ^hr - Chad. ^hr, ^hr, Verb. f. Хотя примеров на
 межафразийские соответствия мало, но, на наш взгляд, можно пред-

² Примерно в половине случаев арабскому корню с b соответ-
 ствует арабский корень с f.

положить в прасемитском r рефлекс праафразийского r .

Сокращения: СХЯ - И.М.Дьяконов, Семитохамитские языки, М., 1965.

ЯША - И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967.

В.Я.Порхомовский

О чадско-сахарских языковых контактах

Проблема чадско-сахарских языковых контактов представляется весьма существенной при сравнительно-историческом изучении фонетики и лексики чадских языков.

Зоной наиболее тесного соприкосновения народов, говорящих на языках чадской ветви афразийской (семитохамитской) семьи языков, с народами сахарской языковой группы являются обширные районы Центрального Судана преимущественно к югу и юго-западу от озера Чад. Чадские языки представлены в этой контактной зоне в основном языками, относящимися к центральночадской или буку-мандарской группе языков. (Впервые выделение этой группы внутри чадских языков было предложено П.Ньменом и Р.Ма /8/, а затем выделенная ими группа была значительно расширена К.Хофманом /6/. Подробнее об истории классификации чадских языков см. /3/). В этой же зоне распространены некоторые западночадские языки, в том числе болева, карекаре, нгизим и др. Язык канури представляет в этой зоне сахарскую группу языков. По классификации Дж.Гринберга /5/ сахарские языки являются одной из шести ветвей обширной нило-сахарской семьи языков.

Чадские языки, распространенные в данной зоне, имеют весьма значительные лексические сходства с языком канури. В африканистике подобную лексику в чадских языках обычно принято рассматривать как заимствованную из языка канури. Для подобного подхода имеются существенные основания. Государство Канем-Борну, этническое ядро которого составляли канури, с IX вплоть до XIX в. являлось важнейшим политическим, военным и культурным центром. С XI в. в государстве Канем распространяется ислам, поэтому язык

канури становится носителем высокой арабо-мусульманской культуры. В XVI в., после периода упадка, когда под давлением внешних врагов центр государства был перенесен с восточного побережья оз.Чад на запад, в Борну, были покорены многочисленные центральночадские племена, в том числе марги, вандала, гамергу, котоко и др. Это время, особенно царствование Идриса III Алома (1580-1617), явилось эпохой наивысшего расцвета государства Канем-Борну, а также наибольшего распространения языка канури как ведущего *lingua franca* во всем Центральном Судане. В дальнейшем, с упадком Борну, уменьшается и роль языка канури как средства межэтнического общения, постепенно вытесняемого его западным соседом языком хауса, а позднее также и фула. (Подробно об этом см./3/).

Как показал Дж.Гринберг /4/, в крупнейшем языке Западной Африки хауса, относящемся к западночадской группе, имеется значительный слой заимствованной из канури лексики, преимущественно в сферах книжно-письменной культуры, военного дела, государственного устройства и т.п., и кроме того некоторые важнейшие арабские заимствования (например, *karanta* 'читать') проникли в хауса через посредство канури. Естественно, что весьма многочисленными должны быть заимствования из языка канури в соседние чадские языки, тем более что их носители находились в зависимости от Борну, и среди них было развито канури-чадское двуязычие, чего отнюдь не наблюдалось в случае хауса. Однако данные сравнительно-исторического изучения чадских языков показывают, что многие лексические сходения между отдельными чадскими языками и канури, традиционно рассматриваемые в литературе как заимствования из канури в чадские языки, на самом деле относятся к общечадскому и даже общеафриканскому словарному фонду.

Некоторые примеры (пракушитские реконструкции даются по /1/, пработокские реконструкции - по /2/, словоформы канури - по /7/): П.Ньмен и Р.Ма /8/, полемизируя с Дж.Гринбергом, считают, что чадские корни, означавшие 'антилопа' и 'черный', заимствованы соответственно из канури *ngáxi* 'антилопа' и *wélem* 'черный'. Однако представляется вполне очевидным, что корни антилопа: котоко ^hngVrV, анкве *jiri*, кушитское ^gwVrV/h/ и 'быть темным, черным': будума *tailim*, сокоро *silim*, кушитское ^hsvl/l/, семитское ^htlm, ^htlл относятся к общеафриканскому словарному фонду, и следовательно не могли быть заимствованы из канури.

К общечадскому словарному фонду бесспорно следует отнести и те корни, в которых центральночадские языки дают латеральное $\underset{\sim}{z}$, отсутствующее в канури, поскольку предположение о заимствовании из канури вынуждает отнести его ко времени по крайней мере до возникновения в общесреднечадском латерального сибилланта наряду с обычным глухим, например: 'ухо': канури wáám , котоко wáam , вандала dám , муби wáam , музгу dám и др.; ср. семитское wáam 'слышать'; 'зевать': канури wáám , wám , логоне wáam , гисига hám , хауса hám .

К общеафрикскому и чадскому словарному фонду относятся также, имеющиеся и в канури, корни как 'голова', 'овца' и 'собака', что признано в своей работе П.Ньммен и Р.Ма, допуская, что в канури это может быть случайным совпадением или заимствованием из арабского, хотя в приводимых случаях формы канури фонетически гораздо ближе к чадским, чем к арабским, если последние вообще существуют.

Таким образом, вопреки традиционному представлению о направлении заимствований только из канури в чадские языки (исключая заимствования в канури из хауса), необходимо признать существование в языке канури целого ряда слов, заимствованных скорее всего из центральночадских, а также, возможно, из других чадских и иных африкских языков. Для серьезного изучения этой проблемы необходимо построение как африкской, так и нило-сахарской сравнительных грамматик. Пока что можно лишь отметить, что вопрос о направлении заимствования в случаях явных лексических сходжений следует исследовать отдельно в каждом конкретном случае. Добавим также, что в пользу предположения о большой длительности и интенсивности контактов между языками, относящимися к этим семьям, говорят, помимо чисто лингвистических, этногеографические и антропологические факторы — несомненно, что народы, говорящие на языках сахарской группы, имели длительные этнические контакты с негроидным населением юга Сахары.

Литература.

1. Сравнительно-историческая фонетика кушитских языков, М., 1973.
2. В.Я.Порхомовский. Исторический консонантизм языков котоко, М., 1972.

3. В.Я.Порхомовский. Языковая ситуация в Северной Нигерии, в кн. "Языковая ситуация в странах Африки", М., 1975 (в печати)
4. J.H.Greenberg. Linguistic Evidence for the Influence of the Kanuri on the Hausa, "Journal of African History", 1960, vol.1, №2.
5. J.H.Greenberg. The Languages of Africa, Bloomington, 1963.
6. C.Hoffmann. Provisional Check List of Chadic Languages, Chadic working group, Special issue, 1971.
7. J.Lukas. A Study of the Kanuri Language, London, 1937.
8. P.Newman, R.Ma. Comparative Chadic : Phonology and Lexicon, "Journal of African Languages", 1966, vol.5, part 3.

Г.И.Каплан

Употребление видовых глагольных форм аккадского языка
для выражения времен (среднеассирийский диалект)

В аккадском языке три финитные глагольные формы, так называемые презенс, претерит и перфект, выражают видовые и временные отношения.

На разных этапах развития аккадского языка соотношение видовых и временных функций этих форм было различным, и для ряда периодов языка остается невыясненным.

Данное сообщение основано на материале среднеассирийского диалекта (1500-1000 гг. до н.э.).

В исследуемых текстах презенс обозначает:

1) постоянное или длительное действие, которое может иметь место в момент повествования, до и после него:

šum-ma A^{MES} ša-a d^{ISKUR} ša-a-na šī-i-qé a-na ša-ka-a-né
il-lu-ku-ú-ni i-ba-aš-ši EN^{MES} A.ŠA^{BA} iš-tu a-ḥa-iš iz-za-a-zi

'Если есть вода Адада (т.е. дождевая), которая идет на орошение, (то) владельцы полей должны действовать по соглашению (букв. друг с другом стоять)' (KAV 2, VI, 2I-25).

ki-i A.ŠA i-na UNU šu-a-tu il-lu-ku-ú-ni A.ŠA ù É
a-na ú-ku-la-i-ša ša 2 MU^{MES} ú-ur-ru-šu.

'Поскольку (повинность) поля в общине этой он нес, поле и дом для прокормления ее на 2 года должны передать ей' (KAV I, VI, 64-66).

2) Незавершенное действие, происходящее в момент повествования, или в какой-либо определенный момент в прошлом или будущем:

šum-na ma-zi-i/z ra-n/i iš-tu mī š.GAL^{lim} /š/-da-bu-ub
7 e-bir-ta^{MES} a-na nuḫ-ḫi-ša la-a i-qaḫ-ti-ib

'если при/дворный/ с дворцовой женщиной говорит (или: будет говорить), (ближе, чем) на 7 (шагов) перехода он не должен к ней приближаться' (Afo I7, стр.288, I07-I08).

3) Завершенное действие, которое произойдет в неопределенный момент в будущем:

i-na UD^{mi} NAGGA šE ... i-du-nu-ni ša-ar-/ra-ti-šu-nu/
i-ra-tu-gu

'когда олово, зерно... они возместят (букв. отдадут), за/лот свой/ они смогут освободить' (КАJ 2I, 23^x-25^x).

4) Презенс широко используется для выражения различного рода модальностей: возможности, желания, долженствования, запрета:

šum-na IŪ DAM-su e-ez-zi-ib šA^{bu} šu-na min-na id-da-na-šš-še
la-a šA^{bu} šu-na mi-in-na la-a i-id-da-na-šš-še ra-qu-te-e-ša
tu-š-ue-ša.

'если человек жену свою пожелал (желает, будет желать) оставить, захочет - он может ей что-либо дать, не захочет, ничего он может ей не давать, с пустыми руками (букв. в пустоте своей) она должна уйти?' (КАV I, У, I5-I6).

Таким образом в среднеассирийском диалекте презенс может выражать действие любого времени. Но если в сфере прошедшего и настоящего времени он выражает только действие курсивного вида, то в сфере будущего времени он может обозначать действие и курсивного, и констатирующего вида.

Глагольные формы претерит и перфект всегда выражают действие констатирующего вида, которое может иметь место до или после момента повествования:

Претерит:

^mA-ni-ja ... i-na mi-ig-ra-at ra-mi-ni-šu ^mGi-mil-la
DUMU-šu a-na ^mA-zu-ki-ja ... a-na maḫ-ū-ut-ti id-din-šu.

'Анийя... по своему желанию Гимиллу, сына своего, Азуккие... для усыновления отдал' (КАJ I, 2-7).

6 MU^{MES} ū-šal-lim NAGGA i-ḫi-tu ū A.šA-šu-nu i-ra-tu-gu

'Когда 6 лет пройдет, олово они должны возместить и поле свое они смогут освободить' (КАJ I3, 27).

Перфект:

² sa-re-e-ni [.....] šur-šur-ra-te ZA/BAR/ an-ta-ba-aš
 [.....] ni-te-bi-lak-ku-n/ū
 'Сарени [...] в печи бронз [овне] я заковал (букв. ударил)
 [...] (я) послал к Вам' (КАУ 96, 5-8).

ša šIME ra-su-šu-ta e-tam-ga-ú-ni i-sa-ba-ta-aš-ši
 'кто рабыню покрывуд (покрывалом) увидит, должен схватить
 ее' (КАУ I, У, 89-90).

Итак, в среднеассирийском диалекте действие курсивного вида всегда выражается презенсом, действие констатирующего вида прошедшего времени выражается претеритом и перфектом, а действие констатирующего вида будущего времени может выражаться всеми тремя формами.

В последнем случае все три формы выступают в качестве сказуемых условных, временных и относительных придаточных предложений и нередко в совершенно однотипных случаях:

a-ba-su e-mag ū šul-ma-šu i-laq-qe (презенс)

'(Когда) он пожелает (букв. слово свое увидит), то дар свой он сможет взять' (КАУ 75, 12-15).

a-ba-su e-šur šul-ma-šu i-la-qe (претерит)

'(Когда) он пожелает (букв. слово свое увидит), дар свой он сможет взять' (КАУ 98, 9-10).

i-da-ni i-te-te-eq-šu-ma A.ŠA-šu É-su ni-šu-šu gab-ba
 ka-ku-a i-sa-bat ú-ka-al (перфект)

'Когда (срок) пройдет ему, поле его, дом его, все его, свободное (от сторонних претензий), он сможет взять и держать' (КАУ 101, 19-22).

В использованном корпусе среднеассирийских текстов презенс выражает действие констатирующего вида 55 раз, претерит - 8 раз, а перфект - 26 раз, т.е. отдается определенное предпочтение презенсу.

Как уже показывает материал, приведенный в грамматике аккадского языка В. фон Зодена, презенс мог выражать действие констатирующего вида будущего времени на протяжении всего письменно зафиксированного периода существования аккадского языка^I. Это

^I W. von Soden, Grundriss der akkadischen Grammatik, Roma, 1952 (в сокращении GAG) §§ 160b; 161i; 170g; 171i; 172i; 173f; 174a, c; 175a.

подтвердил просмотр многочисленных староассирийских и новоассирийских юридических документов.

Следовательно, презенс в аккадском языке - видо-временная категория, которая выражает действие курсивного вида любого времени и может выражать действие будущего времени любого вида.

На средней стадии аккадского языка, как показывает средне-ассирийский материал, презенс обозначает действие констатирующего вида будущего времени значительно чаще, чем претерит и перфект, заметно ограничивая употребление претерита и перфекта областей прошедшего времени.

В свою очередь претерит и перфект средней стадии аккадского языка можно определять как чисто видовые категории, которые способны выражать действие констатирующего вида любого времени. Но практически они чаще используются для обозначения действия констатирующего вида прошедшего времени.

Каковы различия в употреблении претерита и перфекта на средней стадии аккадского языка?

В древнейших аккадских диалектах перфект выражал действие, следовавшее за действием, выраженным претеритом, что дало повод определить перфект как форму, выражающую последовательность действий².

В среднеассирийском диалекте в рамках прошедшего времени действие, выраженное перфектом, может как следовать за действием, выраженным претеритом, так и предшествовать ему³:

lu-bu-ul-ta ... ša ...a-na ku-ri-il-le il-ge-š-ri-ri
ul-te-bi-lek-ku-nu

'Одежду ..., которую... для праздника урожая взяли у меня, я послал Вам' (КАУ 99, 37-40).

1 šu-ši 7 ANŠE ŠE ... ²A-bi-DINGIR DUMU Ra-ba-DINGIR a-na KA¹ tur-pe ša ^dMAR.TU.PAB im-ta-šar i-na ^{URU}Zak-ku-ANŠE.KUR.RA il-ge ^{URU}Ku-ba-sa i-na-da-ad.

³67 меров зерна... Абишлу, сын Рабашлу, согласно табличке Амуррунаштра получил, в Закусисе взял, в Кубасе должен отметить' (КАУ 143, I-10).

² И.М.Дьяконов, Языки Древней Передней Азии, М., 1967, стр. 289-292.

³ В нижеследующих примерах одной чертой подчеркивается перфект, двумя чертами - претерит.

В рамках будущего времени в одном контексте претерит и перфект не встретились.

Тем не менее разница в употреблении обеих форм есть, но прослеживается она только в области прошедшего времени (правда, как указывалось выше, прошедшее время — основная сфера употребления претерита и перфекта).

При обозначении действия прошедшего времени, перфект употребляется только в самостоятельных предложениях. В придаточных предложениях встречается только претерит. Наиболее четко эта картина вырисовывается в письмах, где перфект полностью вытеснил претерит из самостоятельного предложения. Менее четко в юридических документах, где претерит еще широко употребляется в качестве сказуемого самостоятельного предложения⁴.

Эти синтаксические и стилистические особенности в употреблении претерита и перфекта в среднеассирийском диалекте в общих чертах уже отмечены в грамматике В. фон Зодена. Правда, он не указывает, в рамках какого времени они наблюдаются. В. фон Зоден пишет: на средней стадии аккадского языка перфект "утверждает факт совершения действия", а претерит этот факт "констатирует". Поэтому:

а) перфект употребляется в главных предложениях, а претерит в придаточных. б) перфект встречается чаще в письмах, чем в документах; в) перфект не употребляется в отрицательных и вопросительных предложениях (GAG § 80f).

Представляется, что уже материал среднеассирийских законов опровергает основное положение фон Зодена. В послышках этих законов широко употребляется и претерит, и перфект. Почему же в одном законе преступление констатируется, а в другом оно утверждается?:

šum-na IÚ a-na IÚ iq-ti-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ik-ku

⁴ Заметим, что речь идет только о положительном высказывании, потому что в среднеассирийских текстах отсутствует достаточный материал по вопросительным и отрицательным предложениям.

‘Если человек человеку сказал, мол, твоей женой владеет⁵...’
(Кав I, П, 67).

šum-na lú a-na tar-ra-i-ku lu-ti i-na ru-uz-ge lu i-na
ša-al-te iq-bi ma-a DAM-ka it-ti-ni-ku ...

‘Если человек товарищу своему либо по секрету, либо в драке сказал, мол, твоей женой владеет⁵...’ (Кав I, П, 72).

Прежде, чем дать свое объяснение различиям в употреблении претерита и перфекта, посмотрим, что происходило в синхронных диалектах.

С.Гордон и С.Крамер отмечали, что в нусийском диалекте (XVI-XIV вв. до н.э.) перфект (по их терминологии “претерит с инфиксом-т-”, “форма с инфиксом-т-”) выражает обычное законченное действие в положительном высказывании и по смыслу никак не отличается от претерита⁶.

С.Блох утверждает, что в средневавилонском диалекте перфект обозначает просто законченное действие⁷. Д.Аро, в целом разделяющий точку зрения В. фон Зодена, пришел к выводу, что в средневавилонских письмах в положительном высказывании какие-либо смысловые различия между претеритом и перфектом не прослеживаются⁸. Однако, из глоссария средневавилонских писем того же Д.Аро вырисовывается следующая картина употребления этих форм: в положительном высказывании в пределах прошедшего времени сказуемое само-

⁵ Временная соотношенность посылок законов из контекста не ясна. Условно переводим их прошедшим временем. Правда, анализ употребляемых глагольных форм в этих посылках наводит на мысль, что и сами древние относили их к прошедшему времени. См. Г.Х.Каплан, Употребление видо-временных глагольных форм аккадского языка в среднеассирийских законах, “УП Годичная научная сессия ИО ИВ АН”, Л., 1971, стр.133-134.

⁶ S.Gordon, *The Dialect of the Nusu Tablets*, Or. 7, 3, Roma, 1938, стр.215-222; S.N.Kramer, *The Verb in the Kerkuk-Texts*, *The Annual of the American Schools of Oriental Research*, XI.

⁷ S.I.Bloch, *Beiträge sur Grammatik des Mittelbabylonischen*, Or. 9, 4, Roma, 1940, стр.321.

⁸ J.Aro, *Studien sur mittelbabylonischen Grammatik*, SO XX, Helsinki, 1955, стр.80-86, 146-149.

стоятельного предложения обычно выражается перфектом (179 раз), значительно реже - претеритом (37 раз). Сказуемое придаточного предложения всегда выражается претеритом (159 раз). В отрицательных и вопросительных предложениях употребляется также только претерит. Есть несколько примеров на употребление претерита и перфекта в придаточных предложениях при обозначении действия констатирующего вида будущего времени, но в пределах будущего времени обе формы значительно потеснены презенсом⁹.

Таким образом, анализ отдельных диалектов не подтвердил положение В. фон Зодена о субъективно-эмоциональной окраске значений претерита и перфекта на средней стадии аккадского языка. Поэтому следует искать другие причины синтаксических и стилистических особенностей в употреблении исследуемых форм.

I. Почему в сфере действия прошедшего времени перфект употребляется только в самостоятельных предложениях, а претерит, судя по письмам, постепенно вытесняется в область придаточного предложения?

На древней стадии аккадского языка перфект тоже редко встречался в придаточных предложениях¹⁰. Объяснить это можно тем, что он обозначал тогда действие, следовавшее за действием, выраженным претеритом. А ведь действие придаточного предложения обычно предшествует действию главного.

На средней стадии языка видовые различия между претеритом и перфектом не прослеживаются, но разграничение синтаксических функций этих форм получило свое дальнейшее развитие.

Связано это, вероятно, с какими-то объективными изменениями в видо-временной системе аккадского глагола.

Может быть, на средней стадии аккадского языка презенс чаще чем раньше стал употребляться для обозначения действия будущего времени констатирующего вида. Это привело к тому, что претерит и перфект стали употребляться преимущественно в области прошедшего времени, т.е. первоначально видовая система аккадского глагола стала использоваться в значительной степени как временная.

⁹ J.Aro, Glossar zu den mittelbabylonischen Briefen, SO XXII, Helsinki, 1957.

¹⁰ L.Oppenheim, Die mittels t-Infizes gebildeten Aktionsarten des Altbabylonischen, WZKM 42, Wien, 1935.

Необходимость подчеркивать последовательность действий могла сн-ваться. Но перфект не исчез. У него развились его некогда побочная функция: если он ранее встречался преимущественно в самостоятельных предложениях в силу своего видового значения, то теперь он стал превращаться в форму сказуемого самостоятельного предложения, а претерит тем самым - в форму сказуемого придаточного предложения.

2. Почему в юридических документах в самостоятельных и главных предложениях все еще широко употребляется претерит и даже чаще, чем перфект?

От каждого периода аккадского языка дошли документы различные по своему стилю. Если сравнить средневавилонские письма и надписи среднеассирийских царей, составленные на вавилонском диалекте, то в последних перфект встречается крайне редко, и объясняется это, вероятно, не тем, что в царских надписях действие констатируется, а в письмах - утверждается (скорее наоборот!), а тем, что язык этих надписей очень далек от живого разговорного языка и намеренно архаизирован и стандартизован.

Форма юридического документа также весьма подвержена стандартизации и менее чувствительна ко всякого рода изменениям в языке по сравнению с письмами. И если в письмах разграничение синтаксических функций между претеритом и перфектом произошло к XII в. до н.э. то в юридических документах этот процесс завершился, видимо, в XII в. (сравни тексты хозяйственного архива Нинурта-тукуль-Ашшур).

Примечателен еще один факт. Аккадские имена собственные, которые представляют собой целые предложения, очень часто содержат финитные глагольные формы:

$\text{m}^{\text{t}}\text{u}-\text{me}-\text{d}^{\text{t}}\text{iskur}$ - Адад услышал (КАУ 50,4)

$\text{a}^{\text{t}}\text{-sur}-\text{i}-\text{din}$ - Ашшур идет (КАУ 39, 22)

В среднеассирийских именах собственных очень часто встречается претерит и крайне редко перфект^{II}. Этот факт объясняется, вероятно, тем же, - имена сохраняли архаические черты языка.

3. Что касается отсутствия перфекта в вопросительных и отрицательных предложениях на средней стадии аккадского языка, то уже в древний период перфект встречается преимущественно в

^{II} Claudio Saporetti, *Onomastica medioassira*, vol. I, I nomi di persona, "Studia Pohl" 6, Roma, 1970.

положительном высказывании (SAG § 151 a), т.е. и эта особенность в употреблении перфекта тоже не может служить доказательством того, что на средней стадии аккадского языка перфект приобрел особую субъективно-эмоциональную окраску.

Статья основана на среднеассирийских текстах, опубликованных в ДИ 2, 1962; AfO X, XII, XIII, XIV, XV, XVI, XVII; KAJ; KAV; vs I

М.Н.Зислин

К вопросу о достоверности масоретской фонетической системы

В 1921 году на съезде немецких востоковедов в Лейпциге выступил П.Э.Кале с докладом, в котором он утверждал, что тивериадская система огласовок дает искаженное представление о живом древнееврейском языке¹. Здесь уместно

отметить, что Кале, прекрасный знаток семитских языков², пришел к своему выводу в результате долголетней, кропотливой работы над рукописями Ветхого Завета Каирской генизы, которые стали доступными для науки лишь в конце XIX века³. Кале полагал, что древнееврейский язык перестал быть разговорным примерно за пять веков до н.э., а поскольку система тивериадских гласных была создана в VII-VIII вв. н.э., то по его расчетам получилось, что со времени начала процесса отмирания языка и до фиксации гласных прошло 1200-1300 лет. Кале был убежден, что за такой длительный период времени фонетический облик языка не мог сохраниться в памяти народа.

Не менее убедительно звучат доводы Кале, основанные на сравнительном анализе словоформ Ветхого Завета, зафиксированных в

¹ P.Kahle, Die überlieferte Aussprache des Hebräischen und die Punctuation der Masoreten, - ZAW, XXXIX, 1921, стр.230-239 (далее Kahle, Aussprache).

² К.Б.Старкова, Памяти Пауля-Эрнеста Кале, ИС, № 15(78), 1966, стр.239.

³ Paul E.Kahle, Die kairoer Genisa, Berlin, 1962, стр.3-13 (далее Kahle, Genisa).

более ранних графических системах, главным образом, в палестинской системе огласовок. Эта система гласных является более примитивной в сравнении с тивериадской, очевидно, что она была и более ранней. В текстах Ветхого Завета, огласованных гласными по палестинской системе⁴, нет безударной гласной "а" в конце имени с суффиксом 2 л. ед.ч. муж.р.: $\gamma^i\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$, $\gamma^i\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$, $\gamma^i\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$ и др. В этих текстах нет безударной гласной и в конце форм глагола 2 л. ед.ч. муж.р. перфекта: $\overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$, $\overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$, $\overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$ и др. Вышеуказанные словоформы имени и глагола не имеют гласной также и во фрагментах с греческой транслитерацией слов Ветхого Завета у Оригена (II-III вв. н.э.). В латинской транслитерации слов Ветхого Завета Иеронима (IV-V вв. н.э.) наблюдается аналогичная картина: *do*dach при масоретской форме $\gamma^i\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$ / $\overset{\cdot}{\text{a}}\text{ } \overset{\cdot}{\text{a}}$ ⁵. В самаритянском Пятикнижьи, по мнению Кале, в данных формах также нет гласной "а". Кале напомнил своим слушателям, что немецкий филолог Sievers в своем исследовании, посвященном метрике библейских текстов, написанном в 1901 году, пришел к заключению, что местоположенный суффикс имени не мог иметь гласной "а". На основании этих и аналогичных немасоретских материалов Кале сделал вывод, что ко времени фиксации гласных в Тивериаде вышеуказанных форм в природе не существовало, и что эти грамматические формы были созданы масоретами по аналогии с соответствующими арабскими формами. Доказательства Кале расшатали тысячелетний авторитет масоретской системы огласовок⁶.

Первым, кто выступил с серьезными возражениями против новых положений Кале, был Г.Бергстрессер⁷, но он был не единственным

⁴ Палестинская система гласных имеет следующие надстрочные графические знаки: $\overset{\cdot}{\text{a}}$, $\overset{\cdot}{\text{e}}$, $\overset{\cdot}{\text{i}}$, $\overset{\cdot}{\text{o}}$, $\overset{\cdot}{\text{a}}$, $\overset{\cdot}{\text{u}}$, см. Kahle, *Ausgrache*, стр.234; его же, *Geniza*, стр.73.

⁵ Его же, *Ausgrache*, стр.235.

⁶ Ук.соч., стр.232, 234 и 237; см. К.Б.Старкова, указ. в прим.2 статья, стр.241; ср. И.М.Дьяконов, Языки древней Передней Азии, М., 1967, стр.360, 369 и 370; И.Д.Амусон, Тексты Кумрана, выпуск I, М., 1971, стр.41 и 42.

⁷ G.Bergsträsser, *Ist die tiberiensische Vokalisation eine Rekonstruktion?* - OL, XXVII, 1924, стр.562-566.

имени и глагола встречаются в текстах Мишны или в стихах Ветхого Завета, окрашенных в текст Мишны¹⁹. Таким образом, как утверждают ученые иерусалимской школы, масоретам ничего не приходилось создавать, ибо зафиксированные ими формы все еще существовали в эпоху Кумрана (II-I вв. до н.э.). Но если согласиться с доводами ученых Иерусалима, возникает вопрос, откуда взяли Ориген и Иероним свою транслитерацию указанных форм? Кутчер выдвинул следующее положение. Во времена Кумрана еще существовал разговорный древнееврейский язык, хотя наравне с ним использовались языки арамейский и греческий. Но древнееврейский разговорный язык, т.е. язык Мишны, существенно отличался от литературного, классического языка Ветхого Завета. Так, в разговорном древнееврейском языке под влиянием арамейского исчезли неударные гласные в упомянутых формах имени и глагола. В ученых кругах знали, по видимому, и литературный язык. Для того, чтобы не допустить пропущения элементов разговорной речи в литературный язык Ветхого Завета при синагогальном чтении, в текст Ветхого Завета вносились специальные знаки. Например, чтобы не допустить опущения безударных гласных в конце словоформ, переписчики добавляли к этим словам букву *ו*. А Ориген и Иероним фиксировали чтение текстов в мишнаитском звучании. Когда древнееврейский язык перестал быть разговорным, и исчезла опасность его "вульгарного" звучания, отпала и необходимость в буквах, специально фиксирующих литературное произношение, которое продолжало сохраняться в кругах ученых знатоков писания²⁰.

Остроумный довод против теории реконструкции по арабскому образцу выдвинул Бергстрессер еще в 1921 году. Он говорил, что авторы такой реконструкции должны были иметь познания в области сравнительного языковедения хотя бы в объеме "малого Брокельмана"²¹. Но то, что известно из сочинений масоретов, например, из сочинения последнего представителя тивернадской династии пунктуаторов Ахарбна бен Моше бен Ашера (конец IX - начала X вв.), еще не дает нам основания полагать, что масореты умели системати-

¹⁹ Указ.соч., стр. 34.

²⁰ Указ.соч., стр. 35, 46-52.

²¹ Речь идет о книге К. Brockelman'a, *Semitische Sprachwissenschaft*, "Sammlung Götschen", Leipzig, 1906.

чески сравнивать строй двух семитских языков. Такой уровень лингвистических знаний был впервые достигнут Давидом Хайнджем, но это произошло на рубеже X и XI вв., т.е. спустя целое столетие²².

А.Г.Белова

Показатели модальности в предложениях ранних
письменных памятников арабского языка

Лингвистический анализ ранних памятников арабского языка, лишенных графических показателей таких основных синтаксических единиц текста, как предложение и его части, предполагает наличие некоторых других признаков для определения и выделения из текста основных смысловых и синтаксических единиц.

Материалом данного исследования служат тексты наиболее ранних письменных памятников арабского языка, дошедших до нас в оригинале. Это - тексты из арабских папирусов, открытых во время археологических работ на территории Египта и Сирии, и изданные в период 1930-60-х гг.¹

Наиболее ранние из рассмотренных текстов датируются концом VII - началом VIII вв. Исследователи отмечают архаичный характер языка папирусов, встречающиеся в них диалектизмы и в документах частной переписки - орфографические ошибки. В то же время

²² Morris Jastrow, Abu Zakarijja Jahjâ ben Dawûd Hajjûg und seine zwei grammatischen Schriften. Giessen, 1885, с.15.

¹ N.Abbot, The Kurrâh papyri from Aphrodite in the Oriental Institut, Chicago, 1938 (далее в тексте сокр. - A/; см. же. Studies in Arabic Literary Papyri, I, Historical Texts, Chicago, 1957 /далее в тексте сокр. - Ast /; A.Dietrich, Arabische Briefe, Hamburg, 1955; Arabic Papyri from Hirbet el-Mird. Ed.by A.Grohmann, "Archiv orientâlni", 34, 2, 1966; A.Grohmann, Arabic Papyri in the Egyptian Library, III, Administrative Texts, Cairo, 1938 /далее сокр. - APS/.

подчеркивается сложение определенного стиля административно-хозяйственных документов и эпистолярного жанра².

Соответственно жанру и стилю все тексты можно разделить на: 1) эпистолярные (административного и частного характера); 2) юридические (акты купли-продажи, наследования, завладения и т.п.) 3) исторические хроники (походы Мухаммеда и первых халифов).

Предварительный анализ текстов свидетельствует о том, что в них отражена уже сложившаяся и развитая система синтаксиса, идентичная синтаксической системе, представленной в более ранних и одновременных памятниках арабского языка (в доисламской поэзии и Коране), дошедших до нас в более поздних записях.

1. Последовательный невыборочный анализ текста каждого жанра обнаруживает прежде всего постоянное использование союзов *fa'wa* 'и', которые могут послужить одним из основных пограничных сигналов отдельного предложения в контексте³. Эти союзы нейтральны по отношению к смыслу предложения и нерелевантны в отношении его синтаксической структуры, т.е. могут сочетаться с именными и глагольными, с одночленными и многочленными предложениями.

2. В эпистолярных и исторических текстах, наряду с союзами, используется ряд частиц и грамматических форм, которые могут быть связаны с модальной и модально-интонационной характеристикой отдельных предложений и их частей.

3. В юридических текстах модальные частицы и конструкции отсутствуют. Эпистолярные тексты, представляющие в каждом документе

² A.Grohmann, Einführung und Chrestomatie zur arabischen Papyrologie, I, Praha, 1954, стр.5, 103-106; A.Dietrich, Arabische Briefe, Hamburg, 1955, стр.9-11.

³ В эпиграфических памятниках протоарабского языка можно уже отметить использование союза *wa* для последовательного соединения предложений и однородных членов (Van den Branden. Les textes thameudbens de Philby, I, Louvain, 1956, 36, 40; F.V.Winnett, Safaitic Inscriptions from Jordan, Univ.of Toronto Press, 1957, 14,30, 100B; W.Caakeel, Lihyan und Lihyanisch, Düsseldorf, 1954, стр.73) и союза *fa-* в сочетании с обращением (Van den Branden, II, 11, 15, 20; F.V.Winnet, 59, 100).

речь от первого лица, и исторические хроники, включающие в повествовательный текст прямую речь, содержат все виды и формы модальности, приводимые ниже.

4. В исторических хрониках прямая речь вводится в повествовательное предложение как его часть, функционально зависимая от глагола⁴ главного предложения:

ثم خرج ابن عمر فنادى يا اهل
/Ast,VI,80/ للمدينة يا اهل شام يا اهل البصرة يا اهل الكوفة

‘затем вышел Ибн Омар и воззвал: о жители мекки, о жители Сирии, о жители Басры, о жители Куфы...!’; /Ast,VI,80/

فقالوا له اوصى يا امير المؤمنين
‘...и сказали они ему: указывай, о эмир верующих!’

Таким образом, на стыке косвенной и прямой речи может возникнуть расхождение в модально-интонационной характеристике структурно единого предложения. Невыраженная (и, соответственно, нейтральная, или нулевая) модальность повествовательного предложения сменяется в его же пределах ненулевой модальностью.

В эпистолярных документах, каждый из которых составляется от первого лица, стыка модальности в пределах одного предложения не наблюдается, и каждой модальной единице соответствует целая синтаксическая структура.

5. Все случаи выражения модальности в рассмотренных текстах систематизированы в таблице в соответствии с их отношением к а) значению модальности (вопросительная, побудительная, утвердительная); б) к способу выражения (лексически, синтаксически, морфологически); в) к структуре всего предложения:

обращение, клятва	н о о б р а щ е н и е		
	вопрос	побудительное	непобудительное
وذكرت يا سيدي ايديك (APE, V, 29) اللهم امر القوم	وقال لهم عبد الرحمن عرف... انكم يروى الخليفة [Ast, V, 81] ‘и сказал им Абд ар-Рахман Ибн Ауф: каждый		
‘и упоминал ты, господин мой, да поможет тебе Аллах, про дело с пшеницей...’			

⁴ Ср. управление глагола, вводящего прямую речь, в простом предложении: /Ast, V, 66 / وقال في ذلك الغزاعى شعرا

‘и сказал об этом ал-Хузайм стихотворение...’

I	2	3	4
<p>قالوا اجلس يا ابا القاسم [Ast. V, 67] 'сказали они: садись, Абу ль-Касим! والله ان كنا لقبيناكم تالله لم يبق منكم احد [Ast. V, 65] М₁ 'клянусь Ал- лахом, если бы мы встретили вас, клянусь Аллахом, не осталось бы из вас ни од- ного!..'</p>	<p>ли из вас до- могаются хали- фатства? قال خشى اجيبته للقاء قريش [Ast. V, 65] 'сказал Махмуд: ты пришел для встречи с ку- рейхитами?'</p>		
<p>М₂</p>	<p>فما امرلكم ان تخرجوا للقاتل... [Ast. V, 65] '... что побуди- ло вас выйти на бой?'</p>		<p>فقال الضمير انى رسولك [Ast. V, 66] 'и сказал ад- Дамрий: посты- не, я твой послан- ник' فان زراع اهل الارض راس امرهم [A, 45, 12] 'ведь, постыгне, сельский труд земледельцев - их главное дело!'</p>
<p>М₃</p>		<p>فقال ... قوما [Ast. n, 9] 'и сказал он: вставайте оба! واكتب الى غصن اهل الارض بالزرايع وحثم عليهم [A, 45] 'и пришли мне, и</p>	<p>ولا اعرفك ما عيتنا بما قبلك [APE. III, 48] 'а я и знать не знаю, что ты при- слал нам раньше!'</p>

I	2	3	4
		<p>прикажи зем- ледельцам сеять, и по- буди их к этому!</p>	

Примеры в таблице показывают, что в имеющемся материале можно выделить три типа модальности, отраженной в письменной форме:

I. Сверхфразовая модальность (M_1). M_1 выражается сочетанием частицы обращения или клятвы с именем ($\frac{1}{2}a, wa, ta$). Такая конструкция интонационно и синтаксически независима от структуры предложения, в которой она может занимать относительно свободную позицию. M_1 выражается вопросительными частицами ('a, hal), которые занимают начальную позицию по отношению к предложению любой синтаксической структуры: именной, глагольной, двучленной и одночленной⁵. M_1 совпадает с понятием интонации, сопровождающей любую синтаксическую единицу.

II. Внутрифразовая, или синтаксическая, модальность (M_2). M_2 выражается в предложении изменением позиции его членов, причем вопросительное слово функционально является членом предложения. Вторым вариантом M_2 - предложение с усилительной (или выделительной) частицей ('inna). Эта частица занимает начальную позицию по отношению ко всему предложению и обуславливает обязательную именную двучленную структуру предложения (подлежащее - сказуемое). M_2 может сочетаться со сверхфразовой вопросительной модальностью (M_1)⁶.

III. Морфологическая модальность (M_3). M_3 выражается формами повелительно-запретительного наклонения и усиленного наклонения глагола. Соответственно, предложения, характеризующиеся M_3 , всегда являются глагольными и одночленными.

⁵ Ср. частный оборот в Коране: *hal mina l-mudakkirin /54-18/* разве /найдется/ хоть один из припоминающих?'

⁶ См., напр. Carl Brockelmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der semitischen Sprachen, II, 1966, S.188.

II. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО ВОСТОКА

И. Ш. Шифман

"Лиди ворот" и "отин" в Угарите

В первой половине 60-х гг. в ходе изучения угаритских документов, датируемых XIV-XIII вв., было установлено¹, что в целом ряде международно-правовых операций субъектом действия являлись "лиди" Угарита (ср. РИУ, IV, 17.341; 18.145; 18.146; 18.230; 17.145; 17.42; 17.158; 17.229; 17.299; 17.319) и что, следовательно, в Угарите существовал гражданский коллектив (община), располагавший своими органами самоуправления. В литературе предпринимались попытки установить существование в Угарите и в отдельных населенных пунктах на территории Угарита народных собраний, однако, с нашей точки зрения, поиски пошли по неверному пути².

¹ См. в особенности: Н.Б.Янковская, Общинное самоуправление в Угарите, ВДИ, 1963, № 3, стр.35-55, там же см. литературу.

² В частности, высказывалось мнение, что народные собрания в угаритских общинах обозначались термином *šbr* (РИУ, V, 73). Показательно, однако, что в Библии подобное обозначение не встречается; здесь употребляются термины *šdā* и *qānān*. В палеобиблейской литературе *šibbūr* как обозначение собраний (ср. Авот, 2,4; Иер.Неа, 20,3 и др.) - позднее нововведение, возможно, арамеизм. В РИУ, V, 73 слово *šbr* обозначает, как нам кажется, отряд воинов, стоявших гарнизоном в том или ином пункте Угаритского царства; в особенности существенно, что в Ушкани имелись два таких коллектива (*tn.šbrm*), тогда как в других местах - по одному. Однако окончательное суждение о значении термина *šbrm* возможно будет только по обнаружении нового материала. Ср.: UM, P.472, N2142: *šbr 'a team (of workers)*.

В угаритских документах термин *qrt* (соотв. аккадское *ālu*) — "город" часто употребляется как обозначение города по преимуществу, т.е. Угарита. Топоним *ḡ-ga-gi-it* во многих случаях сопровождается двумя детерминативами: *āḏ* и *māt*; иначе говоря, речь идет не только об Угарите — "городе", но и об Угарите — "стране". Отсюда следует, вероятно, что в Угарите существовало общее для всего населения страны угаритское гражданство для всех тех, кто принадлежал к общинному сектору. Соответственно и органы общинного самоуправления, имевшиеся в Угарите, должны были иметь власть не только над населенным пунктом Угарит, но и над всеми лицами, принадлежавшими к общинному сектору в пределах Угаритского государства.

В документе РИУ, IV, 18.115 неоднократно упоминаются "люди" и "люди ворот" Каркемиша и Угарита. Последний термин ("люди ворот") сохранился в строке 29; в остальных контекстах он восстанавливается с уверенностью на основании формуляра документа. Текст предусматривает, что в случае убийства угаритских купцов в Каркемише, если убийцы будут схвачены, "люди Угарита с людьми ворот их" явятся в Каркемиш и принесут клятвы, в соответствии с которыми "люди Каркемиша" заплатят штраф. Если убийца не будет схвачен, "люди Каркемиша с людьми ворот их" явятся в Угарит, поклянутся, что убийца неизвестен, имущество убитого пропало, и заплатят штраф за убийство. Аналогичная процедура предусмотрена в случае убийства каркемишских тамкаров в Угарите. Таким образом, действующими лицами в документе являются "люди" данного города "с людьми ворот их" (*qa-du amīlī^M ḡa ba-bi-ḡu-nu*). В параллельном тексте РИУ, IV, 17.146, где излагается этот же договор, действуют только "люди" Каркемиша и Угарита. Видимо, термин "люди" мог употребляться в широком смысле (когда имелись в виду и "люди ворот"), и в более узком, более конкретном значении (когда составитель документа считал необходимым упомянуть "людей ворот" особо).

Термин "люди ворот", несомненно, близок к библейскому "приходящие к воротам города" (Быт., 23, 10 и 18; 34, 24), обозначавшему народное собрание, совокупность людей, имевших власть в данной общине³. Однако в угаритском эпосе о Данииле и его сыне

³ E.A.Speiser, "Coming" and "Going" at the "City" Gate, — "Oriental and Biblical Studies", Philadelphia, 1967, стр.83-88.

Аккате имеет место несколько иная ситуация. Данный, сидя под деревом на площади у городских ворот, выполняет обязанности правителя и судьи. Но если так, то у городских ворот должны были осуществлять свои функции местные магистраты и, следовательно, под "людьми ворот" в интересующем нас документе подразумевались именно эти должностные лица⁴. "Люди" города, соответственно, - и это подтверждается многочисленными библейскими параллелями, - совокупность граждан города; в РБУ, IV, 18.115 они - специальное посольство, действующее от имени народного собрания и его олицетворяющее.

В документе РБУ, IV, 17.424С+395В содержится обращение Адлудайану, царя Амку, к Уцакабту, сакину Угарита, с жалобой на неправильные действия угаритского начальника рынка (^{am}akil kar-gi). Обосновывая свою жалобу, Адлудайану ссылается на авторитет "отцов" Угарита: "спроси отцов Угар/ита/ (^{am}l/1 abbi^m al-u-ga-gi-/it/), берут ли пошлину из руки тамка/ра ъа ѡри-ѡу (??)?" Оставляя в стороне вопрос о тамкарах ѡа ѡри-ѡу, нуждающийся в специальном исследовании, отметим, что "отцы" Угарита являются здесь верховной инстанцией при решении спорных правовых случаев; они - хранители угаритских традиций и обычаев; их приговор окончателен⁵. Все это позволяет видеть в "отцах" Угарита коллегию, облеченную некоторыми функциями власти. Заслуживает внимания, что в библейском словоупотреблении ^{ba}t 'ab

⁴ Соответственно следует признать маловероятной точку зрения Х.Ревива, видящего в "людях ворот" старейшин (см. H.Reviv, On Urban Representative Institutions and Self-Government in Syria-Palestine in the Second Half of the Second Millennium, JEHO, XII, III, 1969, стр.292-293). Более правдоподобна, на наш взгляд, концепция А.Ф.Рэйни, хотя он и высказывается весьма неопределенно: по его мнению, "люди ворот" - это судьи и "благородные", совершавшие суд у городских ворот (A.F.Rainey, *Mivne ha'evra be'Ugarit, Yerushalayim, 5727*, стр.104).

⁵ Ср.: A.F.Rainey, *Mivne*, стр.104. А.Ф.Рэйни, однако, ограничивается только констатацией, что "отцы" Угарита были знатоками древних обычаев, не задаваясь вопросом об их роли в системе местного управления.

(Бит., 24, 23 и 38; 46,31; 47,12) и $\text{b}^{\text{u}}\text{t} \text{ 'a}^{\text{r}}\text{b}^{\text{u}}\text{t}$ (Числ., 1,2; 1,18; 17,17; Суд., 6,15; 9,1; 1 Хр., 24,6) – это патронимы, находившиеся под властью "отца"-домовладыки, откуда также $\text{ 'a}^{\text{r}}\text{b}^{\text{u}}\text{t}$ – обозначение патронимов⁶. Из данной параллели можно заключить, что "отцы" Угарита представляли собой совет глав патронимий.

Как показывает документ Ugaritica, У, 52, (письмо Мадаа, адресованное сакину, по всей видимости, Угарита) советы старейшин имелись и в отдельных населенных пунктах Угаритского государства. В тексте подробно излагается дело о краже быков жителями селения Ракоба, и, в частности, заявитель требует, чтобы в случае невозвращения быков старейшины Ракоба ($\text{am}^{\text{il}} \text{ m} \text{ 'i}^{\text{r}}\text{b}^{\text{u}}\text{t} \text{ 'a} \text{ 'i}^{\text{l}} \text{ ga-ak-ba}$), Бабиану син Иаддудану, 'Абду с его сыном и Аддуну, его зять, а также тысячник ($\text{am}^{\text{il}} \text{ akil li-im}$) явились в храм богов и очистились ($\text{lu-}^{\text{b}} \text{ za-ku-}^{\text{b}}$), очевидно, путем принесения клятвы. Бабиану син Иаддудану и 'Абду с его сыном и зятем, по всей вероятности, – лица, непосредственно подозреваемые в совершении преступного деяния. Тысячник – начальник царского гарнизона, стоявшего в Ракобе. Старейшины города (в отличие от предыдущего документа здесь применен акадский термин) – местное самоуправление. Оно представляет общину в целом и участвует в процедуре, должностяущей снять обвинение с города.

В связи с изложенным обращает на себя внимание документ РВУ, П,153, где упомянут "дом собрания" (bt qb^{s}) Урат-Илватим, откуда берется жертвенная овца. Может быть, "дом собрания" был помещением, где находились общинные органы управления и общинные склады.

⁶ Ср.: И.П.Вейнберг, Гражданско-храмовая община в западных провинциях Ахеменидской державы, Тбилиси, 1973, стр.11-13.

Свидетели и договор в хурритской Аррапхе

(Тезисы)

Образец частноправового акта, принятый в клинописном праве, был хорошо известен в Аррапхе со всеми прочими традициями писцовой школы Южного Двуречья. Практика долговых операций также была в общих чертах аналогичной. Тем не менее, здесь были разработаны особые формулы договоров, и заверяли договоры различно. Преобладание документа типа усыновления (*tupru māgūtu*) и выдела (*tupru tidennūtu*) объясняется сохранением архаичной домашней общины; остается неясным возникновение документов без названия и частных актов, заверенных, против обыкновения, печатями должностных лиц без подписей свидетелей.

Сопоставление материалов судебных процессов с документами относительно крупных передач недвижимости, затрагивающих интересы целых домашних общин, обнаруживает, как нам кажется, причину изменения форм договора и приемов его заверения. Причиной этой представляется сопротивление среды, опирающейся на привычные установления обычного права, которые в зависимости от политической обстановки нейтрализуются привлечением свидетелей, должностных лиц или тех и других.

В нескольких пословицах и поговорках, раскрывающих отношение среды к интересующей нас правовой практике, мы находим оценку ее в глазах современников, своего рода общественную мораль, столь же характерную для целой эпохи, сколь типичны для нее сами эти установления обычного права, чрезвычайно архаичные и стойкие.

Е.С.Богословский

Новая форма "всеобщего" эквивалента в древнеегипетской экономике

Письменные источники показывают древний Египет на такой стадии развития, когда в его экономике существовали практически все формы стоимости: 1) простая форма стоимости, при которой одному товару, выражающему свою стоимость, противостоит один же другой товар; 2) полная форма стоимости, при которой одному

товару в качестве эквивалента противостоят товары многих видов; 3) всеобщая форма стоимости, при которой из общей массы товаров уже выделены товары, играющие роль главных предметов обмена (зерно, медь, серебро); появляется несколько всеобщих эквивалентов, обладающих всеобщей стоимостью, то есть, мерил стоимости, но еще не денег; 4) денежная форма стоимости¹. Иными словами, обмен сосуществовал с товарно-денежными отношениями.

В отечественной египтологии уже было отмечено², что еще в III тысячелетии до нашей эры в Египте существовали понятия "купля", "продажа", "оплата (вознаграждение)", "ссуда". Самой распространенной формой всеобщего эквивалента в те времена было зерно; когда речь заходила о "цене", то она обычно выражалась в хк³т "четвериках" зерна³. Уже появились случаи выражения "ценн⁴" в меди и серебре, но они, во-первых, чрезвычайно редки, а во-вторых - всеобщая форма стоимости даже и в таких случаях не превращается в денежную. И серебро, и медь в этих случаях очень наглядно выполняют роль посредника: в них "оценивают" оба товара, а затем происходит обмен товаров, обычный не для всеобщей, а для полной формы стоимости. Товарная природа серебра и меди здесь еще не уступает их роли всеобщих эквивалентов, а, наоборот, заслоняет, подавляет эту роль.

Такое же смешение форм стоимости можно видеть и во времена Нового царства, несмотря на то, что в это время уже существует

¹ В египтологии две первые формы стоимости почти не изучены. О денежной форме стоимости см. I.M.Lourie, *hd*-*"silver"*→*"money"*, *СЕК*, 9, стр.26-28; T.E.Peet, *The Egyptian Words for "Money"*, *"Buy"*, and *"Sell"*, *"Studies presented to F.Ll.Griffith"*, L., 1932, стр.122-127; O.Д.Берлев, *Древнеегипетская денежная единица*, *ПС* 15 (78), 1966, стр.5-27.

² Д.Я.Перепелкин, *Меновые отношения в староегипетском обществе*, *"Советское востоковедение"*, VI, 1949, стр.302-311; его же, *О деньгах в древнейшем Египте*, *"Древний Египет. Сборник статей"*, М., 1960, стр.162-170.

³ О размерах "четверика" см.: J.Černý, *Prices and Wages in Egypt in the Ramesside Period*, *"Cahier d'histoire mondiale"*, I, 1954, №4, стр. 914; W.-F.Reineke, *Der Zusammenhang der alt-ägyptischen Hohl- und Längenmasse*, *MIO* 9, 1963, стр. 145-163.

и выходящая форма стоимости - денежная. Появляется настоящее понятие цены, то есть, стоимости товара, выраженной именно и окончательно в деньгах. Но денежная форма стоимости и во времена Нового царства была лишь одной из форм стоимости в стихии обмена.

До сих пор никак не было замечено, что в этой стихии обмена выдвинулся в роли всеобщего эквивалента наряду с зерном, медью, серебром и золотом необычный товар - растительное (сезамовое)⁴ масло-нхх. В повседневной жизни египтяне употребляли это масло как в пищу, так и для освещения⁵.

Интереснейший документ, сохранивший сведения о новой, ранее не учтенной в политической экономии форме всеобщего эквивалента, еще никогда не был предметом исследования и даже не был переведен с египетского языка⁶. Он происходит из старой столицы древнего Египта времени правления XIX династии.

Перевод:

"(1) Год правления 19, первый месяц периода шм, день 2 - при величестве царя Верхнего и Нижнего Египта Уср-[м"т]-р'у [стп-н-р'у]⁷.

(2) В этот день были даны (деревянные) саркофаги для Ср'у.

(Далее следует перечень товаров, сумма стоимостей которых должна была соответствовать стоимости саркофагов).

(3) Цинковка из растений-рлмт - I, стбляная (др'у н) 3 сосуда-хн;

(4) масла-нхх - 3 сосуда-хн, стоящие 3 сосуда-хн;

(5) бобов - ⁺¹четверик; натра - I кирпич;

(6) ячменя - (сумма неясна);

(7) печений-пой - 9, печений-сжк - II, всего 20, стоящих 2 сосуда-хн.

⁴ L.Keimer, Die Gartenpflanzen im alten Ägypten, - "Ägyptologische Studien von L.Keimer", Bd.I, Hamburg-Berlin, 1924, стр.19, 134-135.

⁵ J.Černý, The Valley of the Kings. Fragments d'un manuscrit inachevé, Le Caire, 1973, стр.45.

⁶ Издание (копия иератического текста и его переложение на иероглифы) см. J.Černý, Ostraca hiératiques non littéraires de Deir el Médineh (ODM), I, Le Caire, 1935, pl.8-8a, n° 31.

⁷ Остатки одного из имен фараона Р'с'у-мсу-су II (нач. XIII в. до н.э.).

(8) Всего: 1 денгга-пн'ф⁸ (и) 3 сосуда-хн'ф; задолженность⁹ - 2 денгга-пн'ф (и) 3 сосуда-хн'ф".

Налицо реальное отражение смещения форм стоимости и господства стихии обмена в новоегипетской экономике: в роли "всеобщего" эквивалента выступает масло, а серебро уже в роли денег¹⁰. Перечисление стоимости масла в денежную единицу пн'ф заставляет видеть в масле "всеобщий" эквивалент, а не просто эквивалент. Как в подсчете уже выплаченной суммы, так и в указании на задолженность сосуда о маслом выступают в роли более мелкой "денежной" единицы по сравнению со пн'ф.

Денгга-пн'ф здесь, несомненно, серебряная¹¹. Сесамовое масло стоило в те времена в меди от 1 до 2 дн (91-182 г меди, т.е., 1-2 г серебра), в серебре же один сосуд-хн'ф сесамового масла оценивали в 1/3-1/6 денгга-пн'ф (\approx 1-2 г серебра)¹². То есть, за 1 серебряную денггу-пн'ф можно было купить от 3 до 7 сосудов-хн'ф сесамового масла.

Объем одного сосуда-хн'ф по измерениям сосудов, на которых написано указание на их размер, определен как раз для времени

⁸Чтение идеограммы: О.Д.Берлев, ПС 15 (78), стр.6-16; W.Helck, *Altägyptische Aktenkunde des 3. und 2. Jahrtausends v. Chr.*, В., 1974, стр.19, 139-141; E.Edel, *Zur Deutung des Keilschriftvokabulars EA 368 mit ägyptischen Worten*, GM, 15, 1975, стр.11-16.

⁹Т.е., названными товарами сб'ф оплатил лишь часть "цены" изделий.

¹⁰Подобные примеры, когда другой всеобщий эквивалент - медь, в которой оценивается стоимость товара, названа "серебром", т.е., денггами, см.: Schafik Allam, *Silber-Leistung (in Form von beweglichen Vermögensgegenständen)*, "Orientalia", 36, 1967, 4, стр.416-420. Слово "всеобщий" взято в кавычки потому, что пока не известно других примеров употребления сесамового масла в функции всеобщего эквивалента.

¹¹ODM 552 recto 4.

¹²J.Černý, "Cahier d'histoire mondiale", I, 1954, 4, стр.910, 912; W.Helck, *Materialien zur Wirtschaftsgeschichte des Neuen Reiches*, IV, Wiesbaden, 1963, стр.697-8.

создания нашего документа в 0,47 д¹³. Хнў - весьма устойчивая единица объема.

Всего в надписи в сумме упомянуты 8 сосудов-хнў масла, но кроме них в общую сумму должна входить еще и стоимость ячменя, натра и бобов - сумма, правда, незначительная, потому что этих товаров было передано немного. Получается, что 8 + x сосудов масла = 1 деньге + 3 сосудам масла. Следовательно, 1 деньга-шнꜥў серебра здесь по стоимости противостоит более чем 5 сосудам масла (= 2,35 д). Если же к тому, что уже выплачено, прибавить сумму задолженности, то окажется, что вся стоимость саркофагов превышала стоимости 21 сосуда масла (= 9,87 д), то есть, 4 + x деньги-шнꜥў серебра (1 деньга-шнꜥў = 7,58 г серебра; следовательно, цена саркофагов несколько превышала цену 30 г серебра). Поскольку известно, что один деревянный саркофаг тогда оценивался в сумму от 8 до 15 г серебра, можно заключить, что в нашей надписи речь идет о 2-3 саркофагах.

Для сравнения можно отметить, что раб в это же время стоил от 180 до 400 г серебра, бык - от 40 до 60 г серебра, наем рабыни на один день - от 7-8 до 15 г серебра¹⁴.

В нашем документе нет указания на соотношение деньги-шнꜥў с ценою сосудов с маслом. Поэтому свободный пересчет сосудов масла в деньги показывает на то, что перед нами общеизвестная для жителей египетской столицы доденежная мера стоимости.

Чрезвычайный интерес для историка экономики представляет строка 4: "(сезамового масла)-нхх - 3 сосуда, стоящие 3 сосуда"¹⁵. В одной половине строки сезамовое масло выступает только как товар, а в другой половине - как товар, несущий функции "всеобщего" эквивалента.

В этом парадоксе - выражении стоимости через самого себя -

¹³ Сосуд времени Р'ў-мсу-сў II: W.F.Reineke, Zwei Steingefässe mit Angaben des Rauminhalts aus dem Neuen Reich, "Staatliche Museen zu Berlin. Forschungen und Berichte. 8. Archäologische Beiträge". В., 1967, стр.62-64.

¹⁴ J.Černý, op.cit., стр.909, 912-913; Helck, Materialien, III, стр. 336-338.

¹⁵ Ср.: Helck, Materialien, IV, стр.697.

очень полно отражается природа и особенности денежного мерила стоимости, его противоречия и несовершенство, его товарный характер, а также конкретными древними сведениями подтверждается теория К.Маркса о товарной природе денег.

Кроме того, присутствие этой строки делает невозможным предположение, что оплата стоимости саркофагов действительно совершалась в масле. Ясно, что на деле масло было лишь одним из перечисленных в списке товаров, данных в оплату стоимости саркофагов, но в то же время несло функции мерила стоимости. На такое же понимание текста наталкивает и упоминание масла в сумме задолженности, которое иначе пришлось бы понять как по меньшей мере странное обязательство задолженность тоже уплатить маслом, а не какими-то другими товарами.

Многовековое существование смешения форм стоимости в хозяйственной жизни фараоновского Египта, замедленность выделения денежной формы стоимости прямо указывают на отсутствие развитого общегипетского рынка, развитой частной торговли в общегосударственном масштабе. Только существование такой торговли могло покончить с многообразием форм стоимости и форм всеобщих эквивалентов и заставить выделить единое мерило стоимости — деньги. Лишь во времена XX династии вместе с заметным развитием внутриегипетской торговли денежная форма стоимости начинает выходить на первое место.

М.А.Гусейнова

Древо жизни в орнаменте керамики древнего Азербайджана
(конец II тысячелетия до н.э.)

Керамическому искусству Центрального Закавказья конца II — начала I тысячелетия до н.э. присущи сложность и разнообразие орнаментальных мотивов.

При общем преобладании геометрических орнаментов значительное место в этой керамике занимает сюжетная керамика с изображениями животных, птиц и людей. Изучение этих орнаментов позволяет про-

следить различные стадии в геометризации рисунков от натуралистич-
ных и стилизованных до геометризованных до степени условного
знака, символизирующего изначальное изображение. Использование
геометрических рисунков-знаков в композициях на сосудах привле-
кает внимание исследователей, которые считают их передающими
изображения религиозно-магического характера¹. Так рассматрива-
ется группа сосудов с изображениями сцен охоты, рисунки на кото-
рых выполнены в одном стиле².

На каждом из сосудов сцена охоты изображена дважды, и каждый
раз в новом варианте. Во всех случаях изображения людей и живот-
ных отличаются знаками, изображенными над ними.

Рисунок человеческой фигуры в двух случаях подменяется рисун-
ком, составленным из геометрических фигур, но и во всех осталь-
ных случаях в изображении головы человеческой фигуры используют-
ся детали тех же геометрических фигур; тем самым акцентируется
внимание на их значении.

Эти фигуры встречаются на керамике в большом количестве и
составляют серию рисунков, отличающихся большим или меньшим
набором деталей.

Наиболее полным и сложным является изображение на одном из
рассматриваемых сосудов (из Килик-дага)³, которое может считаться
исходным для их осмысления. Это изображение, благодаря сти-
листическим особенностям одной его части, позволяет видеть в
нем рисунок древа жизни, как оно изображалось в произведениях
ассирийского искусства.

Древо жизни составлено из двух ярусов ветвей, соединенных
между собой большим ромбом со вписанным в него меньшим и увенчано
знаком солнца в виде двух concentрических кругов, больший из ко-
торых выполнен пунктирными точками.

¹ Б.Б.Пиотровский, Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье, СА, 1955, XXIII, стр.10; Его же, Археология Закавказья, Л., 1949, стр.91.

² Я.И.Гуммель, Памятники древности в окрестностях Килик-дага, - "Известия АзФАН", 1941, № 2, рис.9; "Отчеты Археологической Комиссии" (ОАК) за 1899 г., стр.86-87.

³ Сосуд из могилы IV кургана № 79. Я.И.Гуммель, Памятники древности в окрестностях Килик-дага, - "Известия АзФАН", 1941, № 2, рис.9.

Ветви верхнего яруса симметрично расположены по обе стороны от ромба и мягкими параллельными дугами поднимают вверх на концах круглые плоды. Такое стилистическое выполнение верхней пары ветвей позволяет утверждать безусловное сходство с подобными изображениями в произведениях ассирийского искусства⁴. Нижний ярус ветвей представлен в виде утроенной ломанной линии из четырех прямолинейных отрезков и также с поднятыми вверх концами. Между верхней парой линий идет ряд точек. Стилистическое различие в рисунке верхней и нижней пары ветвей трудно объяснимо по смыслу, но во всяком случае такой стилистический диссонанс в рисунке верхней и нижней пар ветвей вполне соответствует характеру всей композиции на сосуде, в которой используется сочетание стилизованного рисунка с геометрическим, а наличие овальных плодов на концах такой же фигуры на другом сосуде из Ханлара (бывш. Еленендорф)⁵, позволяет с уверенностью утверждать, что перед нами безусловно изображение ветвей. Случайной и необъяснимой как раз является стилистическая манера изображения верхней пары ветвей, так идеально соответствующих переднеазиатским изображениям древа жизни, а особенно ассирийским, также непременно увенчанным знаком солнца.

Нижний ярус ветвей опирается на ствол, изображенный пунктирным зигзагом, как и верхняя часть его между знаком солнца и верхней парой ветвей. Основанием служит вершина четырех вписанных друг в друга углов.

В довершение сходства с переднеазиатскими изображениями, древо жизни на сосуде из Килик-дага украшено с двух сторон своеобразными шестилучевыми розетками с маленькими кружочками в центре и на концах лучей.

Отбор рисунков по сходству в каждом предшествующем и последующем звене позволил выделить группы аналогичных орнаментов.

Одна из разновидностей подобных изображений представляет собой

⁴ H. Frankfort, *Cylinder Seals. A Documental Essay on the Art and Religion of the Ancient Near East*, London, 1939, стр. 309, рис. 109; pl. XXXII - с, d; XXXIII - а; T. A. Madloom, *The Chronology of Neo-Assyrian Art*, London, 1970, pl. XLIX.

⁵ "Доклады Археологической Комиссии" (ДАК), I, 1898, 64, л. 41.

заключенные между вертикальными линиями параллельные вписанные углы, пространство между которыми через одно заполнено точками. Использование такого же рисунка при изображении ствола дерева жизни в произведениях Передней Азии⁶ позволяет считать эти рисунки изображениями дерева жизни.

Другая группа полос с ромбами, по сходству с рисунками древ жизни, выполненных в разное время на иранской неолитической керамике, на гальштатском сосуде из Венгрии и др.⁷, представляется иной разновидностью изображений этого культового символа.

Обе группы рисунков образовались в результате крайней схематизации и упрощения рисунка, причем он утрачивает декоративную функцию и превращается в знак, сохранивший лишь условно принятые элементы, достаточные для отождествления определенного понятия или взаимосвязанного комплекса понятий.

Но на целой группе сосудов наблюдается и обратное явление. При той же тенденции к геометризации и схематизации, при общем упрощении рисунка мы наблюдаем утрату канонизированных, условно принятых форм, которые приносятся в жертву декоративности. Таковы орнаменты на группе сосудов в форме чаш, которые орнаментированы вдоль по венчику горизонтальными параллельными прямыми, волнистыми и зигзагообразными линиями, которые прерываются рисунками вписанных кружочков и ромбиков, от которых вниз спускаются вертикальные ленты орнаментированных однообразно по всей длине полос. Эти изображения имеют в своем составе только отдельные черты, присущие дереву - в виде венчающего его знака солнца и в виде угла вершиной вверх, изображавшегося в основании дерева.

В противовес тенденции к упрощению и схематизации, приведшей в одном случае к условной символической, а в другом - к декоративному

⁶ Pierre Amandry, A propos du trésor de Ziwiye, - "Archaeologia Iranica", Leiden, 1970, pl. XXVI; также см. выполнение ствола на ассирийском алебастровом рельефе (Британский музей, Лондон), а также ассирийский алебастровый рельеф (Национальный музей в Копенгагене) по статье: Дитлеф Нильсон, Библийская религия в свете археологических раскопок, ВДИ, 1937, № I, стр. 109, 105.

⁷ А.К. Амброс, Раннеземледельческий культовый символ ("ромб с кружками"), СА, 1965, № 3, стр. 14-17, рис. 4 (9, II).

шаблону, развивается тенденция естественного генетического развития этого рисунка с сохранением канонизированных форм построения, которое в соответствии с изменением характера орнаментации приобретает новые стилистические особенности. В этом случае заданность конструктивного построения не приносится в жертву декоративности, а, наоборот, средства декоративной орнаментальности очень умело используются для передачи сюжета с большей выразительностью.

Таким образом, как это удалось проследить на группе изображений, развитие сюжета древа жизни идет в двух направлениях. Одна тенденция наблюдается в сторону декоративности рисунка, где отмечается стилистическое усложнение декоративными элементами без изменения конструктивных деталей с небольшими вариациями в пределах единых по сущности семантических образов. Это естественное развитие орнамента.

Другая тенденция ведет к орнаментальному упрощению и лаконизации рисунка, утрате отдельных фрагментов его с сохранением лишь существенных и необходимых деталей, несущих семантическую нагрузку и играющих в таком случае роль условного знака, символа, степень упрощения которого ограничена необходимостью его отождествления, достаточного для передачи заданной идеи.

Тенденция упрощения и лаконизации дает еще одну группу орнаментов, которые могут рассматриваться как декоры, в которых семантически значимые детали сохраняются, быть может, лишь подсознательно, как непреднамеренная дань традиции. Рисунок мельчает, превращается в декоративный шаблон, и только наличие в нем отдельных деталей, присущих древу жизни или семантически идентифицируемых с ним, свидетельствует об изначальной родственности этих изображений.

Представлен ли этот рисунок в полном комплексе составляющих деталей или только в виде отдельных элементов, очевидно, что все эти элементы являются образом, воплощающим единое понятие или комплекс определенных понятий. Использование одних и тех же деталей в рисунке древа жизни позволяет установить формальную связь между декоративным рисунком и схематическим знаком.

Множественность вариантов рисунков древа обусловлена как широкими возможностями стилистической трактовки его, так и не менее широкими возможностями подмены семантических образов.

Использование рисунка древа жизни, связанного с земледельческой культовой символикой, в изображении сцены охоты свидетельствует о глубокой устойчивости земледельческих культов племен Центрального Закавказья в конце II тысячелетия до н.э.⁸

Учитывая относительно ранний возраст этого изображения, можно предположить, что геометрический стиль рисунка древа жизни, широко представленный в орнаментальном искусстве на керамике древнего Азербайджана, мог наложить определенный отпечаток на развитие этого сюжета в более позднее время в искусстве Урарту и Скифии. Урартские и скифские изображения древа жизни проявляют сходство с азербайджанскими в геометризации деталей и конструктивном построении.

С.И.Ходжаш

Оттиски урартских печатей на керамике из Эребуни

На керамике, открытой во время раскопок урартской крепости Эребуни, основанной царем Аргишти I¹, было обнаружено девятнадцать

⁸ Так датируется курган № 79, см. М.Н.Погребова, Восточно-закавказские кинжалы эпохи поздней бронзы и раннего железа (по фондам ГИМ), - "Археологический сборник. Труды ГИМ", вып.40, М., 1966, стр.49.

¹ Раскопки Эребуни ведутся с 1951 г. Институтом Археологии Академии Наук Армянской ССР и Государственным музеем изобразительных искусств им.А.С.Пушкина. Начальник экспедиции К.Л.Оганесян. Руководитель отряда ГИМИ им.А.С.Пушкина до 1959 г. И.М.Лосева, с 1959 г. - С.И.Ходжаш. Участвуют в экспедиции А.А.Демская, Н.С.Трухтанова, С.А.Нариманян. Научный консультант - академик Б.Б.Пиотровский.

Фотографии керамики Эребуни приведены в статьях: С.И.Ходжаш, Керамика Эребуни, А.А.Демская, Кладовые Эребуни - "Сообщения Государственного музея изобразительных искусств им.А.С.Пушкина", IV, Москва, 1968, стр.134-163, 176-182.

оттисков с различных печатей. Одни из оттисков встречаются только на керамике Эребуни, другие имеют аналогию среди печатей и оттисков, найденных в Тейшебани, Аргинтихниси, Русахниси (Топрак-Кале).

Оттиск печати со схематичным изображением башни, над которой поднимается растение - I24², аналогичен оттиску на глиняном сосуде из Тейшебани. Оттиск I64 близок по форме к изображению на каменной печати из Тейшебани³, в котором Б.Б.Пиотровский видит змею с собачьей головой⁴.

На трех сосудах - 351, 352, 353 имеются оттиски круглой печати с изображением двух рыб. Явно все три оттиска сделаны одной печатью. Она не имеет аналогий среди памятников других урартских центров. Любопытны оттиски с изображением бегущей дрофы - I46, I47. Дрофы и сейчас водятся в горной Армении. Характерно для фауны Армении и изображение зайца - I25.

На сосуде I31 имеется изображение лежащей лани. Фигура лани, обрамленная зигзагообразным орнаментом, оттиснута на светильниках I69 и 256.

Поскольку козел считался культовым животным, его часто изображали на печатях⁵. Голова козла с витым загнутым рогом оттиснута на глиняной булле для опечатывания помещений - I48. Имеются оттиски с фигурой крылатого бегущего козла - I40, I30.

На оттиске I77 изображен бегущий конь и солнечный диск. Конь у урартов, как и у некоторых других народов, ассоциировался с быстрым движением солнца.

Бык, священное животное бога грома Тейшебы, изображен на оттиске I39. Вероятно, на оттиске 357 запечатлен верховный урартский бог - Халди, стоящий на льве. Супруга бога Халди - бо-

² Указанные в таблице номера соответствуют номерам инвентаря урартских памятников Государственного музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина.

³ Б.Б.Пиотровский, История и культура Урарту, Ереван, 1944, стр.181, рис.44.

⁴ Б.Б.Пиотровский. Кармир-Блур II, Ереван, 1952, стр.46, рис.22 (9).

⁵ С.Ф.Lehmann-Haupt, Armenien einst und jetzt., Berlin-Leipzig, 1931, II, 2, рис.56.

глиня 'Арубани'⁶ изображена на оттиске I62. Одетая в длинное одеяние, богиня сидит на троне. Перед ней стоит адорантка. Бронзовая печать с подобным изображением была найдена в урартском колумбарии на соседнем с Эребуни холме⁷. Возможно, что оттиск на сосуде был сделан этой печатью.

Открытые на керамике Эребуни оттиски печатей обогащают наше представление об урартском изобразительном искусстве и глиптике. Важны они и для дешифровки урартского иероглифического письма.

Среди изображенных на оттисках иероглифов есть не только аналогичные учтенным в своде урартских иероглифов, составленном Рихардом Барнеттом⁸ - I24, I64, I48, 355, но и ранее не известные и вводимые в научный обиход впервые.

Оттиски урартских печатей на керамике из Эребуни

(К таблице)

- I24. Оттиск овальной печати с изображением башни и растения над ней. Фрагмент дна и тулова большого сосуда. Глина розовая с розовым ангобом. Толщина фрагмента 5 мм. Оттиск помещен над дном. Размер оттиска 21 x 18 мм.
- I64. Оттиск печати с изображением змеи с собачьей головой. Фрагмент дна и тулова большого сосуда. Глина розовая с красным ангобом. Толщина фрагмента 8 мм. Оттиск помещен над дном. Размер оттиска 16 x 12 мм.
- 35I. Два оттиска круглой печати с двумя рыбами. Один из оттисков сохранился полностью, второй еле заметен. Фрагмент чаши со слегка утолщенным краем, вдоль которого идет вдавленная полоса, и круглым дном, обрамленным кольцеобразным выступом. Глина розовая со светлорозовым ангобом. Толщина фрагмента 9 мм. Оттиск помещен на дне возле выступа. Дм. оттиска 7 x 7 мм.

⁶ И.М.Лосева, Некоторые урартские ювелирные изделия с изображением ритуальных сцен, - "Древний мир. Сборник статей в честь В.В.Струве", Москва, 1962, стр.304-307.

⁷ А.А.Мартirosян, А.Л.Минацакаян, Урартский колумбарий Нор-Ареша, - "Известия Академии Наук Армянской ССР. Общественные науки", № 10, Ереван, 1958, стр.63-84.

⁸ Richard D. Barnett, The Hieroglyphic Writing of Urartu, "Anatolian Studies", Istanbul, 1974, стр.43-54, fig.4, Nos.12, 31, 35, 24.

ОТТИСКИ УРАРТСКИХ ПЕЧАТЕЙ НА КЕРАМИКЕ ИЗ ЭРЕВУНИ

124

164

351

352

353

146

147

125

148

131

169

256

177

139

132

162

355

357

← 130 →

352. Оттиск круглой печати с двумя рыбами. Фрагмент чаши с круглым дном, обрамленным кольцеобразным выступом. Глина розовая с красным ангобом. Толщина фрагмента 9 мм. Оттиск помещен над кольцеобразным выступом. Дм. оттиска 7 x 7 мм.
353. Оттиск круглой печати с двумя рыбами. Фрагмент дна и части тулова сосуда с круглым дном. Глина розовая с розовым ангобом. Толщина дна 14 мм. Оттиск помещен на крае дна. Дм. оттиска 7 x 7 мм.
- I46. Оттиск круглой печати с изображением птицы. Сохранились голова и крылья. Хорошо заметен край круглого оттиска. Фрагмент выступа ножки от вазы. Глина белая, поверхность сосуда красная лощеная. Толщина ножки II мм. Оттиск помещен на внутренней стороне сосуда в месте перехода ножки в тулово. Дм. ножки II мм.
- I47. Оттиск круглой печати с изображением птицы. Рядом с оттиском имеется знак в виде двух перекрещенных линий и двух точек. Фрагмент бомбовидного сосуда с круглым дном, обрамленным кольцеобразным выступом. Глина розовая. Поверхность сосуда красная лощеная. Толщина дна 10 мм. Оттиск помещен на дне сосуда ближе к краю. Знак, судя по технике исполнения, был нанесен после покрытия сосуда красным ангобом, но до вторичного обжига. Дм. оттиска 10 мм. Размер перекрещенных линий 12 x 5 мм.
- I25. Оттиск круглой печати с изображением зайца. Фрагмент дна, обрамленного кольцеобразным выступом. Глина розовая. Поверхность сосуда красная лощеная. Толщина дна 5 мм. Оттиск помещен на дне сосуда ближе к краю. Дм. оттиска 9 мм.
- I48. Оттиск овальной печати с изображением головы козла. Фрагмент глиняной буллы для опечатывания. Глина серая. Дм. буллы 29 мм. Длина оттиска II мм.
- I31. Оттиск круглой печати с изображением лежащей лани. Фрагмент горла большого толстостенного кувшина с отогнутым наружу краем. Глина серая. Толщина фрагмента 10 мм. Оттиск помещен под краем. Дм. оттиска 14 мм.
- I69. Оттиск печати с изображением лежащей лани, обрамленной зигзагообразным орнаментом. Край оттиска отколот. Фрагмент края и тулова светильника. Глина розовая с красным ангобом. Толщина фрагмента 10 мм. Оттиск помещен возле дна. Дм. оттиска 15 мм.

256. Два оттиска одной печати с изображением лежащей лани, обрамленной зигзагообразным орнаментом. Трехфитильный светильник с носиком для слива. Глина розовая с красным ангобом. Длина светильника 28 см. Высота 10 см. Оттиск помещен на тулове возле дна. Дм. оттисков 15 мм.
177. Оттиск круглой печати с изображением бегущего коня и солнечного диска. Фрагмент доньшка и тулова сосуда. Глина розовая с розовым ангобом. Толщина дна 6 мм. Оттиск помещен над дном. Дм. оттиска 13 мм.
139. Оттиск печати с изображением головы и передних ног быка. Фрагмент тулова и дна сосуда. Глина серая с черным ангобом. Толщина дна 10 мм. Оттиск помещен над дном. Длина оттиска 12 мм.
140. Печать с изображением крылатого бегущего козла. Фрагмент горла сосуда. Глина серая с черным ангобом. Толщина фрагмента 10 мм. Оттиск помещен под краем. Дм. оттиска 13 мм.
130. Два оттиска печати с изображением крылатого козла. Один из оттисков сохранился полностью, второй в значительной части поврежден. Фрагмент дна и тулова сосуда. Глина розовая. Толщина фрагмента 8 мм. Оттиск помещен над дном. Дм. оттиска 13 мм.
162. Оттиск печати с изображением сидящей на троне богини с чашей в руках и адорантки. Фрагмент тулова сосуда. Глина серая с темнокрасным ангобом. Толщина фрагмента 11 мм. Оттиск помещен над туловом. Дм. оттиска 15 мм.
355. Оттиск печати с изображением человеческой фигуры. Фрагмент дна и тулова большого сосуда. Глина розовая с розовым ангобом. Толщина фрагмента 7 мм. Длина оттиска 15 мм.
357. Три оттиска печати с изображением схематично переданной фигуры бога, стоящего на животном. Один из оттисков сохранился полностью, второй наполовину, третий почти весь утрачен. Оттиски помещены на тулове на расстоянии 7 мм друг от друга. Дм. оттисков 12 мм.

Катабанский эпонимат
(Тезисы)

1.0. Сотрудник Института археологии АН СССР С.С.Ширинский сфотографировал в 1971 г. в вадии Вараха близ Тимна^С, столицы Катабана (ИДРЙ) серию надписей. Все надписи одного типа, носят коммеморативный характер и называют какое-то лицо с титулами. Образец надписи:

Л 39: $y\dot{t}^c krb/bn/^c bd'1/d\dot{s}b^c n$ Яса^С кариб сын ^С Абд'ила зу-Шаб^С ан,
 $qzr/qyn/r\dot{s}w/^c mm/^c n^c ly/b$ сборщик податей (и) жрец ^С Амма.
^С Амма^С алай сын
 $n/^c bd'1/d\dot{s}b^c n$ ^С Абд'ила зу-Шаб^С ан,
 $qyn/r\dot{s}w/^c mm$ кайн (и) жрец ^С Амма.

Это позволяет охарактеризовать памятник как список должностных лиц.

1.1. Общий для всех лиц титул $r\dot{s}w/^c mm$ "жрец ^С Амма" встречается во всех надписях. Обычно к нему прибавляется другой: qyn "кайн (чиновник)" или qzr "сборщик податей" или $mlk/qtbn$ "царь Катабана" (Л 36). Единственно бесспорная характеристика памятника – список жрецов ^С Амма – слишком неопределенна и нуждается в уточнении.

1.2. Сочетание всех титулов, встречающихся в списке – $mlk/qtbn/qzr/qyn/r\dot{s}w/^c mm$ – прерогатива верховных правителей Катабана. Это придает памятнику особый интерес и показывает его важность.

1.3. Как специфику памятника выделяем сочетание двух титулов: $qyn/r\dot{s}w$, $qzr/r\dot{s}w$, $mlk...r\dot{s}w$. Оно содержится в большинстве текстов.

1.4. Это позволяет выделить две параллельные надписи: nes 3II ($qyn/r\dot{s}w$) и Ja 122 ($qzrt/r\dot{s}wt$ – ж.р.). Оба текста имеют структурное сходство, представляя собой сочетание стандартной вотивной надписи с припиской (разного содержания).

2.0. Существующие интерпретации nes 3II неадекватны, так как фраза $sry(/)^c m/bn/mrgdm$ из-за пропуска словоразделителя понята как имя собственное. Наша интерпретация подтверждается этим же текстом nes 3II,3: $ywm/sry/^c m/bn/n^c d$ и рядом других: nes 3689, 3691, 3692: $sry/wsfh/bn/htbm/mhgm/^c m$.

2.1. Автор nes 3II принадлежит к катабанскому эпонимному роду Зархан (см. nes 3688).

2.2. Его деятельность выражена глаголом $\dot{a}ru$ "объявить решение оракула", применяемым для характеристики деятельности сабейских эпонимов (см. СИН 430, 436; Ja 567, 589, 703).

2.3. Наконец, автор NES 3II, кроме титула $qun/g\dot{a}w/C_{\text{Amma}}$ имеет титул $\dot{a}r\dot{a}wts$ "обладатель жречества (= эпонимата) его (C_{Amma})", т.е. прямо назван эпонимом.

3.0. Посвятительница надписи Ja I22, кроме титулов $qart$ и $g\dot{a}wt$, носит также обозначение $\dot{a}t/byt/rt\dot{d}'l/bn/\dot{a}hz$ "из дома Расад'ила из (рода) Шахаз", нуждающееся в особом рассмотрении.

3.1. Формула $\dot{a}t/byt/N$ "из дома такого-то" обычно толкуется как обозначение рода мужа или выражение зависимости от рода. Но для выражения этих отношений известны недвусмысленные формулы $'ntt/N$ "супруга такого-то" (AM 60.II27) или $'mt/bn/N$ "раба (служанка) бану N" (Ja 700,8; 72I,I-2).

3.2. В сабейских надписях формула $\dot{a}t/byt/N$ всегда связана с характерным именем эпонима (СИН 55I, И 3, Nami 27). Кроме того, в надписи Nami 27 она связана с обычаем выкупа (fdy), характерным для сабейских эпонимов.

3.3. В катабанских надписях формула $\dot{a}t/byt/N$ во всех случаях, когда это можно проследить, связана с представителями эпонимного рода (NES 4704, Ja I22, 868).

3.4. Женщин, характеризуемых формулой $\dot{a}t/byt/N$, можно считать жрицами эпонимного культа плодородия.

4.0. Таким образом, сочетание титулов $qun/g\dot{a}w$ и $qart/g\dot{a}wt$ всегда связывается с эпониматом.

4.1. Соответственно, список жрецов C_{Amma} , обнаруженный С.С.Ширинским, следует толковать как список катабанских эпонимов.

4.2. Известный список сабейских эпонимов из племени Халил состоит из надписей, высекавшихся по окончании срока эпонимата. Вероятно, при этих же обстоятельствах составлялись и надписи списка катабанских эпонимов. Это объясняет, почему в них нет собственно эпонимного титула $\dot{a}r\dot{a}wts$ "обладатель эпонимата его", относящегося к эпониму, выполняющему в данное время свои функции.

4.3. Напротив, NES 3II - надпись эпонима, установленная при вступлении в должность. Она описывает порядок вступления в должность и деятельность эпонима.

5.0. Изданная В.Миллером в 1974 г. катабанская надпись Graf 6 послужила автору контрольным доказательством. Она упоминает в

формуле $\frac{dt}{byt}$ $\overset{C}{Am}$ алаха зу-Шабана, уже известного по надписи списка кatabанских эпонимов I 39.

6.0. Выделяется четыре разных типа надписей, освещающих кatabанский эпонимат, которые позволяют представить разные аспекты этой общественной организации и ее значение в политическом и социальном строе древней Южной Аравии.

6.1. Первый тип составляют надписи, датированные по эпонимам, позволившие уже А.Бистону установить продолжительность кatabанского эпонимата — два года, и его терминологическую близость к сабейскому эпонимату при структурных различиях.

6.2. Список эпонимов Кatabана состоит из надписей, поставленных по окончании службы эпонима. Они показывают, что последовательными эпонимами могли быть братья. Пост эпонима занимали лица разного ранга, от царей Кatabана до скромных жрецов $\overset{C}{Am}$. Эпонимы происходили из ограниченного числа знатных родов.

6.3. Надписи KES 311 и NI 3 представляют собой тексты о вступлении в должность эпонима. Они показывают, что кatabанские эпонимы назначались решением оракула $\overset{C}{Am}$, которое давал, вероятно, предшущий эпоним, из ограниченного круга лиц. Основной вид деятельности эпонима — несение специальной службы в ряде храмов разных божеств и руководство оракулом.

6.4. Последняя категория — надписи с формулой $\frac{dt}{byt}/N$ исходят от жриц, связанных с "домами (храмами?)" эпонимов и участвующих в эпонимном культе.

7.0. Сравнение надписей разных типов показывает, что эпонимат был весьма сложной и разветвленной системой, игравшей важнейшую роль и в общественной, и в личной жизни жителей Южной Аравии на всех ее этапах, от рождения до смерти.

7.1. Даже в чисто сакральной области эпонимат объединял значительное количество разнообразных культов. Наиболее важным в экономическом отношении из них был, видимо, культ орошения, т.е. обеспечения плодородия полей.

7.2. Непосредственно связаны с функциями эпонима календарные культы, т.е. астрономические и, несомненно, астрологические наблюдения. Вероятно, эти последние давали эпониму и функции оракула.

7.3. Надписи с формулой $\frac{dt}{byt}/N$ показывают, что и культы плодородия, столь важные для сельскохозяйственных обществ, находились под эгидой эпонимов. Вероятно, "плодородие" животных и

людей также зависело от эпонимных культов.

7.4. Следует также отметить связь кatabанских эпонимов с богом 'Анбайем (и его женской ипостасью Хавкам), божеством мудрости и правосудия.

7.5. Важную роль играли эпонимы в обрядах, связанных с рождением или инициацией.

7.6. Наконец, связь памятников - в^стг и надписей с формулой dt/byt/N с храмом Расадум, расположенным на некрополе Тимна^с, показывает, что эпонимы принимали участие и в обрядах, связанных со смертью, или в заупокойном культе.

8.0. Оракул-ату, который давали эпонимы, часто упоминается в надписях и позволяет установить ряд моментов участия эпонимов в общественной жизни Южной Аравии.

8.1. Оракул-ату давался эпонимами при рождении каких-то определенных категорий лиц. В их число входили сами эпонимы и, вероятно, другие должностные лица (может быть, даже правители). Вероятно, этот оракул определял пригодность ребенка к будущему занятию жреческих и государственных (административных) должностей.

8.2. Такой же оракул был необходим и при вступлении в должность. По-видимому, он определял порядок смены должностных лиц и выделял из узкого круга лиц, имеющих право на занятие должности, очередного кандидата.

8.3. Вопросы о праве земельной собственности, по крайней мере для некоторых категорий земли, также решал оракул, даваемый эпонимом.

8.4. Эпонимы принимали участие также в издании декретов, регулирующих распределение налогов и поступлений с каких-то земель.

9.0. Система эпонимата предстает перед нами как одна из важнейших сторон общественной организации Южной Аравии.

9.1. Эпонимы, как и другие должностные лица Южной Аравии, органически сочетали в своих руках сакральные, хозяйственные и политические функции.

9.2. Разные системы эпонимата в разных государствах и областях Южной Аравии, как показал А. Бистон, сильно отличались по продолжительности эпонимного срока, по терминологии и по структуре. Но новые материалы позволяют связать между собой разные системы эпонимата: сабейский, кatabанский, эпонимат Иухас^ским и хьмьяритский эпонимат Зафара (эпонимат рода 'Абхад). Все они основываются на общем круге верований.

И.Д.Амусин

Šāḥīr - наемный работник в древней Палестине

(1-я половина I тысячелетия до н.э.)

(Тезисы)

На основе анализа весьма скудного "корпуса" ветхозаветных текстов, в которых встречается термин šāḥīr, и в той мере, в какой материал источника позволяет это делать, можно рассмотреть вопросы социального происхождения наемников, их юридический и социальный статус, срок найма и характер использования труда наемников в сельском хозяйстве. При этом выясняется, что положение сахиров существенно отличается от работавших по найму в ремесле и строительстве. По своему социальному происхождению, наемники, определяемые термином šāḥīr, - скорее всего обезземеленные и обнищавшие аборигены, а также пришлые, незаконнорожденные метеки, их вдовы и сироты. Социальный и юридический статус сахиров весьма близок к известному определению, данному античным лексикографом Поллуksom (Ш, 82), греческим поденщикам - палатам и фетам. Соотнесенность срока долгового рабства с трехлетним контрактом наемника (Второз. 15:18; Ис. 16:14; 21:16; ср. ЗК § 273 и Законы Липит-Иштара, § 14) показывает, что на время действия контракта наемники, будучи юридически свободными, по существу, являлись "подневольными людьми рабского типа" (И.М. Дьяконов).

И.П.Вейнберг

Хронист и "внеканонические" пророчества

I. В обширной литературе о Ветхом завете исследования, посвященные I-II Стг., занимают лишь скромное место. Это объясняется преобладающей в современной библистике оценкой хрониста^I как

^I Термин "хронист" употребляется пока условно, без уточнения вопроса об авторе (-ах) или редакторе (-ах).

незаслуживающего доверия эпитона, подражателя и вульгаризатора великих традиций допленного исторического повествования.

Под влиянием нового археологического и эпиграфического материала ряд исследователей² приступил к "реабилитации" хрониста, доказав, что многое из того, о чем сообщает только он, например, список крепостей Р⁶хоб'ама (II Слг. 11), судебная реформа И⁶хоб'апата (II Слг. 19) и др., основывается на добротном, достоверном материале. Однако эта "реабилитация" затрагивает лишь вопрос о достоверности содержания I-II Слг., но не проблемы творчества хрониста как историка.

Хронист, творчество которого, по всей вероятности, относимо к последней четверти V в. - первой половине IV в. до н.э.³, действовал в условиях кардинальных социально-политических и идеологических сдвигов в Палестине и на всем Ближнем Востоке. Предшествовавшее крушение допленных монархий, ситуация "нулевого пункта" и образование гражданско-храмовой общины в Палестине⁴ неизбежно должны были породить активное отношение людей, - хрониста и его аудиторию - к своему прошлому и его традициям.

В научной литературе⁵ отмечено, что пророчества занимают особое место в творчестве хрониста, играют важную роль в обосновании его исторической концепции. Однако простой констатацией этого факта суть проблемы не исчерпана, ибо необходимо ответить на два вопроса: 1) какие пророческие традиции использованы хронистом и 2) каково его отношение к различным пророческим традициям?

II. Хронист называет разных пророков и их произведения в т.н. "итоговых ссылках" (ИС), которыми он завершает повествования о иудейских царях, главным образом, X-VII вв. до н.э. Но эти

² J. Liver, *histōriyā w'histōriḡra'pīyā b'asēper dibrē nauyamim*, в сб.: Liver, "Studies in Bible and Judaeen Desert Scrolls", 1971, стр.221-233.

³ И.П.Вейнберг, Ветхий завет в свете современной науки, Рига, 1966, стр.138 (на латышск.яз.).

⁴ И.П.Вейнберг, Гражданско-храмовая община в западных провинциях ахеменидской державы, Тбилиси, 1973, стр.1-32.

⁵ Th. Willi, *Die Chronik als Auslegung*, Göttingen, 1972, стр.190 слл. (FRLANT, 106).

упоминания пророков целесообразно изучить совместно со всей системой ИС в I - II Cng. Поэтому объектом данного сообщения являются упоминания пророков и цитаты или пересказы их пророчеств в самом тексте повествования хрониста, в так называемых "внутри-текстовых ссылках" (BC).

Во BC хронист 30 раз называет различных пророков и цитирует их речения, но из них 22 упоминания (73%) встречаются только в I-II Cng, и не известны в Dtr. и у канонических пророков. Эти случаи обозначаются термином "внеканонические пророчества". В 8 случаях (27%) хронист упоминает пророков и цитирует пророчества из Dtr., и эти случаи мы назовем "каноническими" пророчествами в I - II Cng. Из 24 пророков, названных в I-II Cng. поименно, 12 (50%) упоминаются только хронистом и в качестве пророков в Ветхом завете больше не встречаются, т.е. являются "уникальными".

Итак, хронист в BC использовал две разные пророческие традиции и "каноническую" и "внеканоническую". Дальнейшая задача состоит в том, чтобы выявить творцов и сущность "внеканонических" пророчеств. Для решения этой задачи мы располагаем двумя группами качественно разнородных данных: первая включает имена, патронимы и титулы "уникальных" пророков, а вторая - тексты "внеканонических" пророчеств.

III. Анализ⁶ имен и патронимов 12 "уникальных" пророков доказывает, во-первых, что вопреки утверждениям некоторых исследователей об искусственном характере ономастики в I-II Cng., все имена и патронимы "уникальных" пророков характерны для допленной древнееврейской ономастики. Ономатологический анализ позволяет, во-вторых, установить среду, т.е. время, территорию, социальный и профессиональный круг, носителей этих имен: все 12 "уникальных" пророков относятся к допленному времени, у большинства (100/92%) прослеживается связь с Иудеей и принадлежность к левитам и священникам (100/75%).

Эти выводы подтверждаются результатами анализа титулов "уникальных" пророков: *nābī'*, *hōze*, *rō'e* и *'is hā'šlōhīm*. Хронист явно избегает применения столь распространенного в Dtr. и канонических пророчествах титула *nābī'* и отдает предпочтение осталь-

⁶ О методе ономатологического анализа: J.P.Weinberg, Das heit 'ābōt im 6.-4.Jh.v.u.Z., - "Vetus Testamentum", XXII, 1973,4 стр.410-412.

ним, по мнению ряда исследователей⁷, более древним. В канонических пророчествах VII-VII вв. до н.э. (Am. 7,12; Mt. 3,7 и др.) термины *hōze* и *gō'e* употреблены всегда в отрицательном значении. Поскольку хронист применял эти два термина только в позитивном значении, то он следовал иной, более древней традиции, следы которой обнаруживаются в датруемой раннемонархическим временем и локализуемой в ефратитском - биньяминитском пограничном районе⁸ I Sam. 9, где встречаются пять из шести упомянутых в Ветхом завете термина *gō'e* в позитивном значении.

В ряде случаев хронист обозначает "уникальных" пророков не титулами, а применяет т.н. *Berufungsformel*⁹, состоящую из следующих компонентов: слово *gāh* + название бога (*'ēlōhīm* или *yhwh*) + глагол *hwh* или *lāh*, например (I Chr. 12,19; II Chr. 15,1 и др.). Эта "формула призвания" систематически применяется в Jdc., где ея выражено призвание к должности судей 'Отни'эл (3,10), Гид⁹'он (6,34) и др. Можно заключить, что рассматриваемая формула коренилась в домонархической среде и времени, когда она применялась для обозначения экстраординарной призванности богом, харисмы.

Обобщение результатов анализа ономастики, титулов и "формул призвания" позволяет заключить, что использованные хронистом "внеканонические" пророчества восходят к раннедошленному времени и коренятся, главным образом, в среде левитов и священников северной Иудеи.

IV. Анализ второй группы данных, т.е. текстов "внеканонических" пророчеств, а их всего 12, проведен по следующим показателям: названия бога, "формульный язык", тематика, объем и жанр этих пророчеств.

⁷ P.A.Hanson, *Jewish Apocalyptic Against its Near Eastern Environment*, - "Revue Biblique Internationale", LXXVIII, 1971, I, стр.43-45 и другие.

⁸ G.Wallis, *Geschichte und Überlieferung*, Berlin, 1968, стр.57-59, 79-86.

⁹ W.Bichter, *Die sogenannten vorprophetischen Berufsberichte* Göttingen, 1970, стр.13-56 (FRLANT, 101), и другие.

Исследования¹⁰ доказывают распространённость в канонических пророчествах VIII-V вв. до н.э. обозначений $ywh \text{ } \text{š}^{\text{b}}\underline{\text{bā}}^{\text{t}}$ и $'\text{ā}^{\text{d}}\underline{\text{ōnāi}} \text{ } ywh$.

Во "внеканонических" пророчествах, цитируемых хроником эти названия бога полностью отсутствуют, что сближает их с псалмами, где обозначения $ywh \text{ } \text{š}^{\text{b}}\underline{\text{bā}}^{\text{t}}$ и $'\text{ā}^{\text{d}}\underline{\text{ōnāi}} \text{ } ywh$ очень редки, и с "литературой мудрости", где их вообще нет. Во "внеканонических" пророчествах доминирует обозначение $'\text{š}^{\text{l}}\underline{\text{ōhīm}}$, реже появляется термин - ywh и лишь эпизодически - $ywh \text{ } '\text{š}^{\text{l}}\underline{\text{ōhīm}}$. Современная библистика¹¹ доказывает древность обозначений $'\text{š}^{\text{l}}\underline{\text{ōhīm}}$ и ywh , признает, что синтез их в названии $ywh \text{ } '\text{š}^{\text{l}}\underline{\text{ōhīm}}$ завершился не ранее X-IX вв. до н.э. в кругах иерусалимских священников и левитов. Если эти соображения верны, то следует заключить, что "внеканонические" пророчества не принадлежали к основной, ведущей линии ветхозаветных пророчеств VIII-V вв. до н.э.

Для разбора "формульного языка"¹² во "внеканонических" пророчествах рассмотрим четыре примера:

1. Тривжды (II Chr. 10,15; 21,13; 28,10) встречаемая формула $"\text{kol} \text{ (или } \text{b}^{\text{ā}}\underline{\text{nē}}) \text{ } y^{\text{h}}\underline{\text{ūdā}} \text{ } w^{\text{u}}\underline{\text{ōš}}^{\text{b}}\underline{\text{pē}} \text{ } y^{\text{g}}\underline{\text{rūšālaim}}$ " по существу не относима к явлениям "формульного языка", ибо это официальное обозначение граждан Иудейского царства, выражавшее тот факт, что Иерусалим и его жители имели в этом государстве особый статус¹³.

2. В формулах $"\text{šālōm } \text{šālōm } \text{l}^{\text{a}}\underline{\text{ka}} \dots"$ (I Chr.12,18) и $"'\text{ān } \text{šālōm } \text{lauyōšē}^{\text{t}} \text{ } w^{\text{a}}\underline{\text{labbā}}"$, (II Chr.15,5) ключевым является слово šālōm , не характерное для словаря хрониста (всего 10 упоминаний из около 212 во всем Ветхом завете) и восходящее к очень древней

¹⁰ F.Baumgärtel, Zu den Gotteanamen in den Büchern Jeremia und Ezechiel, в сб. "Verbannung und Heimkehr", Tübingen, 1961, стр.1-29, и другие.

¹¹ O.Bissfeldt, El und Jahwe; Jahwes Verhältnis zu 'Eljon und Schaddaj nach Psalm 91, в сб. O.Bissfeldt, "Kleine Schriften", III, Tübingen, 1966, стр.386-397, 441-447, и другие.

¹² M.Parry, Studies in the Epic Technique of Oral Verse-Making, I, Cambridge, Mass., 1930, стр.80.

¹³ И.П.Вейнберг, Город в Палестинской гражданско-храмовой общине VI-IV вв. до н.э., в сб.: "Древний Восток", Ереван, 1973, стр.157-158.

иерусалимской традиции¹⁴. Сочетавшееся со словом šlḥm выражение wḇšš' w'ḇā' явилось обозначением полноправных членов территориальных общин до- или раннемонархического времени¹⁵.

3. Формула $\text{1'1ḥ' 'šlḥš 'šmet ḥlḥ'1ḥ' kōḥēn mōre wū1'1ḥ' tḥrā}$ (II Chr. 15,3) в такой форме в Ветхом завете больше не встречается. Однако слово 'šmet , не характерное для словаря хрониста, преобладает в псалмах и "литературе мудрости", где появляется также выражение 'š1 'šmet (Ps. 31,6 и др.).

4. Компоненты формулы "... $\text{hal'ud'ēs lammelek ... kī yā'as 'šlḥm}$ " (II Chr. 25,16) часто упоминаются в Ветхом завете, особенно первый -ud'ēs lammelek , явившийся титулом сановника иудейских царей (II Sam. 15,12 и др.), а глагол ud'ēs в псалмах (Ps. 16,7; 32,8) неоднократно выражает одну из граней деятельности бога.

Проведенный обзор позволяет заключить, что слова, образующие эти формулы, не характерны для словаря хрониста, а коренятся в "формульном языке" кругов священников и левитов, частично ишцов, допленного Иерусалима.

Все "внеканонические" пророчества по своему содержанию могут быть разделены на пять тематических групп, из коих особенно характерна пятая тема "Иахве - бог войны" (II Chr. 16,7-9; 20,15-17; 25,7-9). Она коренится в столь важной в системе ветхозаветных религиозных представлений идее "священной войны", особенно распространенной в до- или раннемонархическом времени (Jdc. 5,23 и др.)¹⁶.

Рассматриваемые "внеканонические" пророчества имеют малый объем: 3 состоит из одной строки, 3 - из двух, 3 - из трех, 2 - из четырех и 1 - из шести. Они все обладают выраженными признаками "мельчайшей элементарной единицей текста"¹⁷, что является еще

¹⁴ H.H.Mowley, *Worship in Ancient Israel*, London, 1967, стр.73-74, и другие.

¹⁵ G.Evans, "Coming" and "Going" at the City-Gate, - "Bulletin of the American Schools of Oriental Research", Apr. 1958, 150, стр.28-33.

¹⁶ F.Stolz, *Jahwes und Israels Kriege*, Zürich, 1972.

¹⁷ S.Mowinkel, *Prophecy and Tradition*, Oslo, 1946, стр.15-19; O.Bissfeldt, *Einleitung in das Alte Testament*, Tübingen, 1956, стр.150-151.

одним веским аргументом для признания принадлежности "внеканонических" пророчеств к ранней, оральной в своей основе пророческой традиции.

Если согласиться с выводом Вестерманна¹⁸ о том, что основной и первичной формой пророческого слова является речение божественного посланца (Vote, messenger), связанное с глаголами 'bw', 'ye', 'šh' и др., то во всех 12 "внеканонических" пророчествах действует такой божественный посланец, а в 7 пророчествах встречаются характерные для этих речений глаголы. По мнению ряда исследователей¹⁹ архетипами (Urgattungen) пророческого речения являются Drohwort (из 12 "внеканонических" пророчеств к этому архетипу относимы 5), Verheissungswort (2) и комбинированный Droh-Verheissungswort (4), что также говорит о древности "внеканонических" пророчеств.

Таким образом, анализ текстов "внеканонических" пророчеств подтверждает и дополняет ранее полученные выводы: кронист пользовался древними подлинными пророческими традициями, коренившимися, главным образом, в среде левитов и священников северной Иудеи, особенно Иерусалима раннемонархического времени и находившимися вне основного русла канонизируемых пророчеств.

Л.С.Бретаницкий

Личность художника на древнем и средневековом Ближнем Востоке

Любая попытка совместного рассмотрения проблемы "Личность художника на древнем и средневековом Ближнем Востоке" неизбежно сталкивается с вопросом – насколько подобное сопоставление правомерно, и главное – насколько надобно? Географически понятия древнего и средневекового Ближнего Востока сходны, однако они разделены огромным временным интервалом, до предела насыщенным бурными событиями военно-политической истории, возникновением, подъемом и крушением множества государственных образований, последовательно сменявшихся на обширном пространстве региона.

Рассматриваемые аспекты проблемы относятся к принципиально отличным историко-социальным условиям, принадлежат к двум разным

¹⁸ C.Westermann, Grundformen prophetischer Rede, 1964, стр.48,98; R.North, Angel-Prophets or Satan-Prophets? - "Zeitschrift für die alttestamentliche Wissenschaft", 82, 1970, I, стр.31-67.

¹⁹ Eisfeldt, Einleitung, стр.90-91.

эпохам антагонистически-классового общества. Именно поэтому подобное сопоставление и представляется не только правомерным, но и существенным. Формирование творческой индивидуальности художника, будь это зодчий, ваятель, живописец или каллиграф, выделение ее из безымянной массы ремесленного люда, а также особенности ее проявления, предстанут не столько в статике реального положения, свойственного конкретной исторической эпохе, сколько в динамике последовательных изменений, характеризующих специфику эволюции социальной структуры человеческого общества.

В то же время различия в характере деятельности и возможностях проявления творческой индивидуальности древнего и средневекового художников представляются, как кажется, скорее количественными, чем принципиальными. Несомненно, гораздо более значительными были их отличия в социально-классовом и сословном отношении, но здесь мы уже касаемся проблем, выходящих за пределы рамок, поставленных нами для настоящей статьи.

В свете размышлений, примерно синхронно проводившихся отечественными и зарубежными учеными преимущественно в послевоенные годы, архитектура, монументальное изобразительное и декоративное искусство и фактически с трудом отделимые от них художественные ремесла оказались не столь анонимными, как казалось совсем еще недавно. Важно, что сведения в этой области не ограничились многократным увеличением числа ранее известных имен зодчих, художников-монументалистов и декораторов. Значительно расширился круг представлений об их положении в современном обществе и, что в данном случае будет нас более интересовать, о месте, которое они занимали в организации проектно-строительного процесса, а также о профессиональных знаниях — практических и теоретических.

Объем и характер подобного рода наличных сведений по различным областям региона неодинаков. По древнему Египту, например, известно большое число художников, сведенных в обстоятельную таблицу М.Э.Матье в ее статье^I, послужившей как бы эталоном и для некоторых работ подобного направления по средневековому

^I М.Э.Матье, Роль личности художника в искусстве древнего Египта, "Труды Отдела Востока Государственного Эрмитажа", IV, Л., 1947, стр.54.

Востоку. По Двуречью пока известно лишь имя строителя Вавилонской башни УП в. до н.э. (Арадакхему), недавно обнаруженное В.К.Афанасьевой и И.М.Дьяконовым в деловом письме². Сходно положение на средневековом Востоке. Число имен зодчих и художников-декораторов, известных по Азербайджану³, ныне превышает число имен, обнаруженных в Средней Азии⁴. Чем ближе к нашему времени, тем круг подобных сведений расширяется, — сказывается поступательность развития человечества, увеличивается объем и меняется характер источников. Сейчас необходимы и, главное, возможны уточнение и конкретизация общих и частных явлений, свойственных тогда одной, а тогда и обеим эпохам. На некоторых, в порядке постановки вопроса, попытаемся остановиться.

В первую очередь необходимо разобраться в понятии "архитектор". Известно, что на Востоке зодчие разных эпох не занимали одинакового положения на социально-иерархической лестнице своего времени. Кроме того, внутри этой профессионально единой группы, особенно в средневековый период, явно существовала дифференциация, еще недостаточно прослеженная.

Зодчие древнего Египта нередко занимали чрезвычайно видное общественное положение. Показательны, к примеру, количество и характер обязанностей зодчих Инени или Сенмута. Однако естествен вопрос — многие ли среди подобного общественного ранга зодчих были в состоянии реально совмещать множество своих обязанностей, среди которых было немало не только почетных, но и весьма ответственных и трудоемких, с обязанностями обычного зодчего — автора архитектурного замысла, руководившего его осуществлением? Профессия архитектора, видимо, была настолько почитаемой, что к длинной и выпяченной титулатуре многих "властей придержащих" она подчас попросту "приписывалась" в той или иной форме. Почет, уделяемый зодчему в древнем Египте, мог бы быть связан с особой ролью здесь культового и заупокойного строительства. Но и

² В.К.Афанасьева, И.М.Дьяконов, Архитектура Двуречья, "Всеобщая история архитектуры", I, М., 1970, стр.215.

³ Л.С.Бретаницкий, Зодчество Азербайджана XII-XV вв. и его место в архитектуре Переднего Востока, М., 1966, стр.523.

⁴ Г.А.Пугаченкова, Мастера среднеазиатской архитектуры IX-XVII вв "Искусство зодчих Узбекистана", III, Ташкент, 1965, стр.123.

в других областях древнего и средневекового Востока высокопоставленной персоне нередко приписывались либо знание профессии архитектора, либо строительство каких-либо примечательных сооружений. В этом плане принципиально едина скульптура Гудеа - правителя Лагаша, изображенного с атрибутами зодчего, - и повествование Рамид ад-дина об архитектурном даровании Газан-хана; упоминавшиеся обязанности Сенмута, фаворита женщины-фараона Хатшепсут, - и сооружения, возведение которых приписывалось везиру Али Шаху ат-Тебризи. Невольно вспоминается рассказ Лукяна о египетском архитекторе Сострате, который свои "подписи" запечатлел на каменной основе построенного им "чуда света" - фаросского маяка, в то время как имя правителя, повелевшего соорудить маяк, нанес на поверхностном, недолговечном штукатурном слое⁵.

Постепенно наполняются реальным содержанием термины, обнаруживаемые в памятниках эпиграфики и в повествовательных источниках. В древнем Египте терминология собственно строительных профессий небогата: это "меджу" - "строитель" в самом широком смысле, включая даже плотника и каменника, "кед" - "зодчий" (причем, однако, эти термины иногда употребляются один вместо другого), затем "надсмотрщик над строителями", "начальник строителей" и "начальник всех царских работ"⁶. В древней Вавилонии терминология строительных профессий еще беднее: это "итинну", строитель вообще, умеющий складывать простейшие сооружения из сырцового или обожженного кирпича; но и распоряжавшийся рабочими-кладчиками, в том числе и наемными. Однако встречается и "великий строитель", которому приписывались "замысли" и "мудрость". При строительстве храма зодчий вместе с заклинателем совершал магические обряды⁷. В поздний период вавилонской истории архитектор назывался также "работником двора" - "арад экалли"; этот термин, первоначально означавший любого государственного работника вообще, закрепился по неизвестным нам причинам именно за зодчим⁸. Во всяком случае, это указывает на при-

⁵ Лукян из Самосаты, Как следует писать историю, "Избранное", М., 1962, стр.424.

⁶ М.Э.Матъе, ук.соч., стр.8-9.

⁷ Сведения почерпнуты, по моей просьбе, И.М.Дьяконовым из словаря *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago*, s.v.itinnu.

⁸ Указание И.М.Дьяконова.

надлежность вавилонских зодчих к государственному персоналу. Такой характер терминологии и явно невысокий ранг большинства вавилонских "строителей" еще более заставляет сомневаться также в реальности архитектурной деятельности всех сановных египетских зодчих, хотя в условиях каменного культового строительства в Египте могли господствовать и несколько иные условия, чем в Вавилонии.

Более дифференцирована терминология строительной профессии на средневековом Ближнем Востоке: так, "мухандис" - умевший составлять чертежи - примерно соответствовал нынешнему понятию "архитектор-проектант", а термины "ма'мар" и "беина" - термину "архитектор-практик". Термин "устан" - "мастер", в основном, применялся как почетный эпитет, подтверждавший высокую степень профессионального или общественного признания, достигнутого архитектором-практиком⁹.

Не прост также вопрос профессиональных знаний архитектора - практических и теоретических. Очевидно, что профессиональные знания приобретались архитектором в обе эпохи, как правило, эмпирически, вероятнее всего в порядке более или менее долгого ученичества, а также нередко передавались из поколения в поколение. Сложнее обстоит дело с представлениями о теоретических - инженерных и иных - познаниях архитектора; наряду с более или менее точными сведениями, имеет хождение и чистые домыслы.

Для древней Вавилонии А.А.Вайман пишет: "...при постройке какого-либо сооружения рассчитывалось количество человеко-дней, необходимое для проведения работ, продуктов питания для содержания рабочих, строительных материалов и т.п. Нет данных, которые свидетельствовали бы о том, что древние строители занимались техническими расчетами для определения величин, характеризующих устойчивость здания, крепость его перекрытий и т.п."¹⁰. К этому следует прибавить, что если в древнем Египте применялись довольно сложные каменные конструкции, то древняя Вавилония знала только простейшие прямоугольные кирпичные постройки с балочным перекрытием,

⁹ L.A.Mayer, *Islamic Architects and their Works*, Genève, 1956; Л.С.Бретаницкий, О статусе и профессиональных званиях зодчих Переднего Востока XI-XIV вв., НАА, 1973, № 6.

¹⁰ А.А.Вайман, *Шумеро-вавилонская математика*, М., 1961, стр. 207. Ср. И.Лурье, К.Ляпунова, М.Матье, Б.Плютовский, Н.Флиттнер, *Очерки по истории техники древнего Востока*, М.-Л., 1940, стр.190.

очень редко - с ложным и еще реже - с настоящим сводом.

По средневековому Востоку не сложились достаточно бесспорные представления, каким проектным материалом располагал зодчий, приступая к осуществлению архитектурного замысла. Можно считать установленным, что в обе эпохи при строительстве крупных сооружений, со сложной конфигурацией плана, предварительно составлялись схематические чертежи, точнее эскизы, выполнявшиеся вне масштаба. В изображениях, относящихся к древней Индии (УШ в. до н.э.) и к средневековой Армении, встречаются макеты зданий в руках изображаемых, но насколько они реальны, а не чисто символичны, сказать трудно. В некоторых случаях архитекторы, видимо, пользовались модульной сеткой, облегчавшей проектно-строительный процесс. Модульная система в обе эпохи обычно подчинялась мерам длины, которые определяли размер элемента здания, служившего модулем - ширина входного проема и т.п. Однако, архитектурные чертежи - имеются в виду планы, более или менее напоминающие современные, - вряд ли появляются ранее XIV в. н.э.¹¹

Справедливо утвердилось мнение о немалой роли, которую играла математика в архитектурной практике средневековой эпохи. Вместе с тем, круг конкретной помощи, которую она оказывала архитектору-практику, очерчен недостаточно четко. Характер и объем математических познаний того или иного строителя, безусловно, способствовали дифференциации, о которой шла речь выше, не только определяли уровень профессиональных возможностей зодчего, но и влияли на его положение в обществе. В настоящее время можно с уверенностью говорить о применении различных областей математики при строительстве ряда сооружений, преимущественно общественно значимых, крупных и сложных. Его широко пользовались при отводе участков под строительство; для составления примерного плана здания и разбивки его на месте; для исчисления потребного количества строительных материалов, объема предстоящих или выполненных работ и т.д. Об этом достаточно явственно сообщают средневековые, также как и древние письменные источники¹². В некоторых случаях, видимо, его пользовались и в целях гармонизации внешнего облика здания.

Совершенно отсутствуют сведения о каких-либо статических рас-

¹¹ Н.Б.Багданов, Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в., "Материалы по истории архитектуры народов СССР", М., 1944.

¹² См. выше прим.7 и 8.

четах. При проектировании и строительстве, очевидно, руководствовались только эмпирическими представлениями о действии законов строительной механики, работе тех или иных архитектурных конструкций. Архитектурная глава математического трактата Глас ад-Дина ал-Кашш (XV в. н.э.)¹³, едва ли не первый в этом роде документ, содержит несколько способов построения стрельчатых арок различных очертаний. Содержит он также рекомендации, при каком пролете какого абриса арку применять. Однако, никак не прокомментировано, чем при этом руководствовались — эстетическими соображениями, или — что вероятнее — конструктивными, но почерпнутыми только из строительного опыта.

Неясен вопрос, насколько зодчие древнего и средневекового Востока были вооружены нередко им приписываемым знанием художественных закономерностей, которые лежали в основе пропорционального строя композиций фасадов и архитектурного формообразования ряда выдающихся зданий. По мнению некоторых ученых, подобные общего плана закономерности были присущи чуть ли не всем мало-мальски примечательным сооружениям. Однако, большинство изысканий в этом направлении ограничено математическим анализом пропорциональных построений, графически нанесенных на ортогональные проекции архитектурных обмеров нашего времени, подчас даже недостаточно тщательно выполненные¹⁴.

Отметим уязвимость подобного рода работ. Математика в таком объеме была известна зодчему древнего и средневекового Востока — кстати, как и Западной Европы, — лишь в порядке редкого исключения. Кроме того, графическо-математические упражнения этого рода неправдоподобны в силу подчеркнутой формалистичности, полной изолированности от практической стороны архитектурно-строительной науки, которая в то время была основной и решающей.

В реальных условиях древнего и средневекового Ближнего Востока

6 ¹³ Л.С.Бретаницкий, Б.А.Розенфельд, Архитектурная глава трактата "Ключ арифметики", — "Искусство Азербайджана", У, Баку, 1956.

¹⁴ В.Н.Владимиров, Пропорции в египетской архитектуре, — "Всеобщая история архитектуры", I; М.С.Булатов, Аочно-сводчатые формы в зодчестве средневекового Самарканда, — "Из истории великого города", Ташкент, 1972.

проявление личности художника было нелегким¹⁵. Остановимся на зодчем, поскольку в те времена архитектура обычно была ведущей областью искусства. Индивидуальность зодчего проявляется в оригинальности объемной композиции, разнообразии приемов организации пространства функционально единых зданий, трактовке распространенных архитектурных мотивов и форм. В рассматриваемых эпохи это усложнялось силой устоявшихся традиций, нередко — канонизированных архитектурно-художественных образов.

Но даже в рамках жесткой египетской традиции каждое сооружение так или иначе являет творческую индивидуальность создателя. На средневековом Востоке значительно усилилась локальная канонизация архитектурных образов типологически единых групп. Все же и в этих условиях личность художника неизменно проявлялась. Убедительно сопоставление замков феодалов Апшерона, минаретов Ширвана, башенных мавзолеев Азербайджана и Хорасана. Еще нагляднее сопоставление порталных композиций дворцового ансамбля Ширваншахов в Баку. Построенные с небольшим интервалом порталы — спальня (1435 г.), так наз. "диван-хане" (конец XV в.) и восточных ворот (1585 г.) — композиционно едины, одномасштабны, сооружены из одного материала — известняка. Только восточный сохранил "подпись" зодчего, но в облике каждого сказался "почерк" автора, имело место подлинное соревнование — каждый строил в общих для всех условиях и знал работу предшественника.

И последнее. Как же оценивался творческий труд? Предоставим слово документам. Египетский главный зодчий Нехебу (VI династия) с гордостью отмечал, что за успешное окончание порученных работ "его величество похвалил меня за это в присутствии серов (= вельмож). Его величество одарил меня "золотом жизни", хлебом и пивом в весьма большом количестве. По желанию его величества, многие служители двора вышли нагруженные этими дарами и достигли моей двери. Я был более угоден фараону, чем всякий другой зодчий, возмывавший его величеством до меня"¹⁶. Такое положение (очевидно,

¹⁵ Матье, ук.соч.; Л.С.Бретаницкий, Зодчие и мастера архитектурного убранства, — "Зодчество... Азербайджана XII-XV вв....", стр.421.

¹⁶ Цит. по Матье, ук.соч., стр.10.

с отличием в степени щедрости царя) можно считать типичным для древнего Востока, где строитель — обычно царский служащий или работник¹⁷.

Более разнообразным было положение строителей и, соответственно их оплата в Средние века. В поэме "Хадикат ал-хаванк" ("Сад истин") поэт XII в. Сана'и писал:

Ученне в тяжкой страде не живут —
Несхож мухандиса с поденщиком труд:
Дадт мухандису в один только миг,
Что за год бейна получать не привык.
Но в месяц бейна за работу берет,
Чего подмастерье не видит за год,
И столько поденщику ввек не скопить,
Что мог подмастерье за вечер пропить —
Поменьше цена за услия рук,
Поболе за мудрость и знанье наук.

(Перевод И.М.Дьяконова)

¹⁷ Однако, зодчие принимали в древности и частные заказы. Согласно Законам Хаммурапи, § 228, строитель дома получал в "подарок" 2 сикля серебра (около 17 г) за 36 м² площади. От старовавилонского периода дошел договор на постройку дома для частного лица, причем взамен платы строитель (или подрядчик?) получает право проживать в построенном доме бесплатно в течение 10 лет (Ch.-F. Jean, Tell Sifr, Paris, 1931, N 48). Имеются также договоры на частную поставку кирпича. (Указание Н.В.Козыревой).

О Г Л А В Л Е Н И Е

I. Древневосточная и аравийская филология

	стр.
И.М.Дьяконов, Древние письменности и древние языки.	4-8
Г.А.Климов, О месте эргативного строя в континентно- типологической классификации языков	8-12
И.М.Дунаевская, Новые перспективы исследования хат- тского языка.	12-19
М.Л.Гачиян, Хурритский диалект в угаритской версии словаря НАВ-га : ḫubullu.	20-21
А.Д.Милитарев, О предполагаемом прасемитском *r̥	21-27
В.Я.Порхомовский, О чадско-сахарских языковых контактах.	27-30
Г.Х.Канлан, Употребление видовых глагольных форм аккад- ского языка для выражения времен (средне- ассирийский диалект).	30-38
М.Н.Зислин, К вопросу о достоверности масоретской фоне- тической системы.	38-43
А.Г.Белова, Показатели модальности в предложении ранних письменных памятников арабского языка.	43-47

II. История древнего Востока

И.И.Ишман, "Лиди ворот" и "отцы" в Угарите.	49-52
Н.Б.Янковская, Свидетели и договор в хурритской Аррашке (тезисы).	53
Е.С.Богословский, Новая форма "всеобщего" эквивалента в древнеегипетской экономике	53-58
М.А.Гусейнова, Древо жизни в орнаменте керамики древнего Азербайджана (конец II тысячелетия до н.э.)	58-63

С.Н.Ходжан, Оттиски урартских печатей на керамике из Эребуни	63-68
А.Г.Лундин, Катабанский эпонимат (тезисы)	69-72
И.Д.Амусин, Šāḫr - наемный работник в древней Палестине (I-я половина I тысячелетия до н.э.)(тезисы)	73
И.П.Вейнберг, Хронист и "внеканонические" пророчества.	73-79
Л. С.Бретаницкий, Личность художника на древнем и средневековом Ближнем Востоке	79-87

Подписано к печати 21/У-1976 г. А-06593
Объем 5,75 п. л. Тир. 150 экз. Зак. 226. Цена 35 коп.
Офсетное производство типографии № 3
издательства "Наука"
Москва, Центр, Армянский пер., 2

